

ИГОРЬ ОСИПОВ

ОХОТНИКИ НА ПОПАДАНИЕВ

ИДДК

Игорь Валерьевич Осипов

Охотники на попаданцев

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=46063483

Аннотация

Попаданцы. Потеряшки между мирами. Зачастую они тысячами гибнут от голода, холода, болезней, от клыков хищников, на кострах дикарей и в рабстве кровожадных пиратов, а вместе с ними теряются бесценные знания, артефакты и приборы. Но есть мир, отстающий от нашего на одно столетие. Он похож на наш, но чуточку другой, и в нём осознают всю пользу от таких пришлых, и там созданы отряды, цель которых – поимка невольных странников через кромку миров? Вот только не все попаданцы мирно настроены, и некоторые из них приносят с собой огромные-преогромные неприятности. Таким пришлым придётся противостоять одному из уездных отрядов охотников на попаданцев.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	45
Глава 4	61
Глава 5	76
Глава 6	93
Глава 7	116
Глава 8	132
Глава 9	150
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Игорь Осипов

Охотники на попаданцев

Глава 1

Новое начало

– Скверно, – произнёс я, слушая звуки выстрелов, раздающихся из-за угла и отдающихся эхом-рикошетом за спиной. – Сдаваться они не намерены.

Я достал из внутреннего кармана хронометр на цепочке и щёлкнул подпружиненной крышкой. Часы были трофеем, доставшимся от одного из попаданцев. Сей предмет я не включил в опись при досмотре и взял себе. Так многие делают.

Сам же хронометр был весьма любопытен. В стрелки и риски часов встроены тончайшие цилиндрики с радиоактивным газом, отчего фосфорное стекло микроскопических ёмкостей непрерывно сияло призрачным зелёным светом, и не требовали батареек для подсветки. Циферблат был обычный двенадцатичасовой, а вот нарисованный на крышке календарик состоял из тринадцати месяцев по двадцать восемь дней каждый.

– Уводи людей! Уводи, скорее, тудыть тебя растудыть! По-

паданцы на сей раз дурные! Брать силой будем! – разнёсся вдоль улицы крик, подхватываемый эхом, отражённым от боязливо прижимающихся друг к другу домов, раскрашенных каждый на свой лад, отчего казалось, что это не улочка, а лоскутное одеяло, развешенное на высотных фонарях.

Команды унтер-офицеров смешивались со звуками, рождаемыми непривычными вещами чужаков и их гортанными воплями. Четверо городских в мокрых шинелях и фуражках, с шашками на перевязях и кобурами на портупеях стояли, загораживая любопытным прохожим путь.

– Куды прёшь?! – кричал один из них на старающегося проскочить мимо заслона паренька в сером плаще. – Сказано же нельзя!

– А что там?

Полицейский не ответил, лишь достал свисток, громко и противно в него свистнул, а потом снова начал кричать.

– Назад! Все назад!

Растерянный извозчик в цветастой жилетке и вязаной шапочке тянул за поводья не менее испуганную, тяжело дышавшую лошадь, стараясь увести животину за полицейский кордон. Кобыла водила ушами и тарасила большие карие глаза, освободившись от привычного уже бремени в виде старенькой двуколки, брошенной сейчас у бакалеи.

С пасмурного утешнего неба моросил дождь, противно ложась водяной пылью на лицо и руки, пропитывая одежду и заставляя блестеть брусчатку, погашенные уличные фонари

и подоконники домов, словно те натёрли мастикой.

Я спрятал часы и достал небольшое зеркальце в золотой оправе, крепившееся к пуговице длинной золотой цепочкой на манер пенсне, а потом выставил из-за угла. Шестеро ряженных в чёрные одёжи бородачей торопливо ломали парадную дверь трёхэтажного жилого дома, где на первом этаже размещалась бакалейная лавка. Они были непривычно вооружены. Ранее уже доводилось видеть подобное оружие, и хотя оно, несомненно, представляло интерес для тайной канцелярии, но ежели не достанется нам, то больших печалей не будет.

Эти чужаки были весьма зло настроены, и в доме сразу же раздались выстрелы и женские крики. На брусчатке уже и так валялось два убиенных мещанина, чья вина перед чужаками заключалась лишь в том, что горожане попались им на глаза. Устав поимщиков гласил, что в такой обстановке церемонии выписывать не надобно, только силой захватить пришлых. Но всякое бывало. Даже с дикарями договаривались.

Я посмотрел на мужчину, неподвижно лежащего на мостовой. Кровь медленно вытекала из-под него, пропитывая сюртук и наполняя собой зазоры между булыжниками. Его застывшие навеки глаза удивлённо смотрели в небо, словно пребывая в неверии, что он так скоропостижно мог скончаться. Другой же, наоборот, свернулся калачиком, держась в последние секунды за простреленный живот. Убитых было жалко. Они не заслужили такой участи. Вот если бы са-

ми лезли под колёса поезда или прыгали с моста, тогда я бы лишь плюнул в сторону самоубийц и тех, кто сожалеет об их кончине.

Из подворотен выглядывали испуганные люди, негромко переговариваясь и показывая руками. Даже здесь слышался нестройный гомон. А на приставленной к двери аптеки скамье сидела и захлёбывалась плачем женщина, которую сейчас пыталась отпаивать успокоительным настоем наша сестра милосердия. Антонина ласково приговаривала и гладила горемычную, чей муж сейчас лежал на мостовой перед захваченной бакалеей.

– Бегом! Бегом! – донеслось сзади, заставив меня снова обернуться и посмотреть.

Сюда бежал взвод кирасиров, штатно приписанный к нашему отряду из дислоцированного на окраине города полка. Солдаты в тяжёлой экипировке глухо топали по мостовой коваными сапогами, держа в руках самозарядные винтовки Мосина шестой модели. На стальных наплечниках, выкрашенных в цвет хаки, чернели нанесённые по трафарету номер полка и воинские чины, а на правой стороне нагрудной брони белела небольшая эмблема ударных частей – череп с перекрещёнными костями в чёрном круге. Кожаные ремни с воронёными застёжками, что держали усиливающие механизмы и элементы доспеха поверх снабжённого электрическим приводом шарнирного каркаса, были плотно подогнаны. Висящие на толстых шнурах подсумки оттягивали обой-

мы с патронами и гранаты. Матовая поверхность механических кирас у многих поцарапана или несла вмятины от револьверных и пистолетных пуль. Всякое бывало.

И всё же, невзирая на риск, солдаты не взяли с собой полагающиеся по уставу тяжёлые штурмовые шлемы, похожие на помесь рыцарских турнирных и тех, что используют водолазы. Сейчас они нацепили на головы обычные пехотные каски.

А дождь потихоньку усиливался, барабания по крышам, разлетаясь брызгами от брони и размазывая струйками кровь.

– Ваше высокоблагородие, – заговорил капрал, перехватывая оружие поудобнее и поправляя лямку шлема, – что там?

– Попаданцы, – хмуро ответил я, слушая лёгкое жужжание электрических катушек, спрятанных в небольшом ранце кирасы за спинами солдата там же, где находились логические лампы и батареи. – Давно таких не было. Все вооружены до зубов, орут не по-нашему.

– Так, ваше высокоблагородие, они редко по-нашему болтают, – чуть заметно усмехнулся унтер.

Я тоже ухмыльнулся и кивнул.

– Чего делать-то будем? – снова спросил капрал, попытавшись потереть тяжёлой перчаткой мокрое лицо.

У него это плохо получилось. Тут надобно либо долго снимать оную, отсоединяя электрические жилы и крепежи

силовых тросиков, либо пользоваться большим полотенцем, которое было бы удобно держать механическими пальцами. Без сноровки сию операцию вообще сложно сделать. Кирасиров долго и кропотливо натаскивали на это дело, гоняя нещадно, зато в уличных боях десятков таких солдат был пострашнее тяжёлого броневика на паровой тяге с теплородным котлом. И те лёгкие скорострельные карабины, что у попаданцев, не должны пробить броню кирасы, калибр не тот, вот ежели у них имелись бы тяжёлые винтовки, тогда можно было беспокоиться.

– Марата позови, пришлые вроде бы по-южному калякают, а он вроде бы в Британских колониях воевал. Может, получится договориться.

– Будь сделно, ваше высокоблагородие.

Унтер самым кончиком пальца дотронулся до кончика носа, а потом стал водить головой вправо-влево, утирая нос о неподвижную руку и шумно шмыгая. Ежели наоборот, постараться водить перчаткой, то нос можно вовсе сломать.

– Прости, Господи, – пробормотал он, – зуд страшный. Марат! Подь сюды!

Один из кирасиров повернулся всем телом и вытянул шею. Унтер ещё раз махнул рукой, призывая бойца. Немолодой уже чернявый татарин тут же подбежал, вытянувшись передо мной по струнке.

– Слушаю, ваше высокоблагородие!

– Послушай, может, поймёшь, – произнёс я, показав паль-

цем в сторону бакалеи.

Татарин кивнул и подошёл к самому углу, а потом снова вытянул шею, вслушался в гортанные выкрики, доносящиеся из разбитых окон и из-за прикрытой двери. Раздался выстрел, слившийся с испуганным женским криком и сменившийся воплями: «Нет, не надо, не надо!». Унтер закусил губу, а Марат скривился. Я же внимательно наблюдал за лицом татарина.

– Похоже на говор афганских племён, – быстро произнёс он, – но это не люди, а звери какие-то. Террористы, поди.

Я кивнул, соглашаясь с его словами.

– Сможешь поговорить?

Марат бросил тревожный взгляд в сторону чёрных и пожал плечами, насколько это было возможно в тяжёлой броне.

Я достал из кармана белый платок, протянул ему. Пожилой татарин, отслуживший под знамёнами империи уже больше двадцати лет, поставил у стены свою винтовку и поправил шлем, а потом поднял руку с моим платком и вышел на открытое пространство.

Все замерли. Я оглядел взвод, а потом сунул зеркальце за угол и стал пристально всматриваться, остальные солдаты замерли, прислушиваясь к происходящему. Один из кирасиров нервно сжимал механической печаткой стальной крестик и шептал молитву. Никому не хотелось боя.

Вместе с криками пленных, причитаниями вдовы и шумом воды, льющей из водостоков, слышались жужжания

электрических катушек и шуршание шарниров механических кирас, делавших солдат похожими на смесь средневековых рыцарей и броневиков. Широких, тяжёлых и неизменно сильных.

Марат мелкими шажками пересёк почти всё расстояние, а потом в какой-то момент из окна показался бородач. Он сверкнул глазами и достал своё оружие. Марат только и успел вознести руку и выкрикнуть что-то в знак приветствия, как раздалась быстрая очередь выстрелов, заставив татарина прикрыть лицо ладонью. А потом в окне показался стрелок с какой-то штуковиной. Секунду спустя раздался сильный взрыв, подхваченный хлестким эхом. От этого разрыва выбило окна в домах, и стёкла со звоном посыпались на мостовую.

Марат дёрнулся, словно его ударило очень тяжёлой кувалдой, а потом объятый сизым дымом с лязгом брони упал навзничь. Стала видна кираса, пробитая и смятая на груди, и погнутый наплечник. Из-под тела по мокрой брусчатке потекла кровь.

Я на секунду замер, услышав за спиной тревожное «Господи боже» и сухое «Ручная мортира», а потом резко развернулся, сунув зеркальце в карман. Руки сами подхватили оставленную у стены винтовку.

– Ты и ты! – с выкриком указал я пальцем. – Вон ту телегу на середину! Готовим позицию для картечницы! Где Березкин?

– Бежит, вашвысокородь, – скороговоркой ответил унтер.

– Долго бежит! – выкрикнул я, снял оружие с предохранителя и нажал средним пальцем на рычажок перезарядки, а указательный положил на спусковой крючок.

Электрическая катушка дёрнула затвор, досылая патрон. Если не отпускать рычажка при стрельбе, то винтовка будет вести огонь очередями, самостоятельно извлекая стреляную гильзу и досылая новый патрон.

Я глянул на шейку приклада. Там тлело четыре огонька, говоря, что длинный шнековый магазин на сорок патронов и расположенный под стволом параллельно цевью был полон.

Два кирасира быстро подбежали и схватили телегу с дровами и жестяным дном, держа перед собой на манер щита. С грохотом рухнули на дорогу поленья, взвыли силовые катушки, а солдаты выскочили на улицу и, пробежав десяток шагов, поставили телегу на брусчатку, присев и достав такие же зеркалаца, каким пользовался я, разве что в обычной оправе и висели на длинных оранжевых шнурах, позаимствованных у полицейских. На такие шнуры городовые обычно цепляли свои табельные револьверы.

Вскоре из подворотни выбежал артиллерист, неся своё оружие. Обычный человек не смог бы удержать тяжёлую многоствольную громадину, но кираса делала любого сильнее в четыре раза.

При виде него бойцы, спрятавшиеся за телегой, урывками стали высовываться и делать выстрелы короткими очередями.

ми. Из окон застрочило в ответ. Пули со свистом рикошетили от стен домов и брусчатки. Из далёкой толпы зевак раздались испуганные крики.

– Убери всех, твою мать, наконец! – закричал я на унтера. – Оставь семерых, остальные пусть оцепят смежные улицы!

– А как же...

– Сами справимся! – не дав закончить, перебил его.

Артиллерист, пригибая голову и бряцая лентой с винтовочными патронами, тянущейся из большого ранца за его спиной, выбежал к тем двоим. Он сел и стал ждать команды.

Я стоял, тяжело дыша и зыркая на дом. Выкурить их оттуда не получится, но и то, что там нет запасного выхода, нам на руку. Не имелось бы у них пленных, взяли бы на измор. У попаданцев редко бывают с собой большие запасы.

Нужно срочно освобождать пленных, пока это зверьё в людских обличиях не убило невинных. И где этот Березкин, когда он больше всего нужен?

Словно услышав мои мысли, из той же подворотни, где сидел артиллерист, выбежал пухленький мужчина лет сорока. Он придерживал рукой пенсне и мелко семеня ногами в жёлтых ботинках.

Я зло закричал зубами, а потом схватил приблизившегося Березкина за рукав, после чего подтянул к самому углу дома, за которым мы прятались. Мужчина испуганно посмотрел на меня, а когда я его отпустил, то отступил на два

шага. Он хотел было высказаться, например «Не надо нервничать», но замер и поник, наверное, почуяв трупы. Да уж, достался нам провидец.

– Работай, – буркнул я, снова схватив мужчину за локоть и развернув лицом к перекрёстку.

Провидец выдернул руку из моих пальцев, поправил короткий сюртук, а потом снял пенсне и начал его тереть белым платком, край которого до этого торчал из кармана. Я не мешал, мало ли какие способы сосредоточиться у провидцев есть.

– Шестеро их, – заговорил Березкин. – Пять в ближней зале, один в дальней комнате. А ещё там две женщины.

– Живые? – резко уточнил я, пристально глядя на человека.

– Я мёртвых за стенками не могу чують.

Мысли пошли чехардой. Пятеро. Кирасиры с боем вломятся и перебьют их, но дальний может кончить одну из заложниц, а потом закрыться второй. Я бы так сделал.

Если же кинуть гранату в окно, то она может задеть и женщин. Стенки там тонкие. Осколки могут пробить, если граната взорвётся прямо у стены.

Я замер. Тонкие стенки. План действий уже сформировался, и осталось только его исполнить.

– Магнитку! – закричал я, поставив винтовку к стене, где она до этого была.

Один из кирасиров быстро подбежал ко мне и вручил ед-

ва заметно попискивающее магнитное оружие, придуманное учениками кайзеровского физика Гаусса. Магнитка оттянула руки, и я едва её удержал. Выстрела было всего три, потом батарея разрядится. Я глянул на блестящую серебряными контактами розетку, которой её можно подсоединить к ранцу с дополнительными батареями, но без кирасы я ранец не утащу, а медлить нельзя.

– Со мной пойдёшь! – рывкнул я на провидца, рывком поправив оружие.

– Я не пойду. Это совсем безобразие, – затараторил мужчина, – я буду жаловаться.

– Потом, с..., будешь плакаться, – зло бросил я и посмотрел на телегу.

Там мой взор встретился со взглядом артиллериста, а тот нервно щёлкал круглым переключателем туда-сюда. Стрелка под каучуковыми подушечками на механических пальцах то приближалась к цифре «пять», то к отметке «одна четверть».

– Не давай им высунуться! – закричал я артиллеристу.

Тот кивнул, выкрутил указатель на пятёрку и встал во весь рост. Картечница Гатлинга сразу заполнила своим рёвом улицу. На брусчатку с лязгом хлынул поток гильз, которые начали скакать по булыжникам, как встревоженная саранча, попадая иногда в неглубокие лужи. Шесть стволов калибра три линии бешено закрутились, сливаясь в одну муть и выплёвывая оранжевое пламя. Стены, рамы и дверь сразу покрылись отметинами от пуль, хлынувших с темпом пять

тысяч выстрелов в минуту.

Я потянул упирающегося провидца, неся в левой руке магнитку, добрую старую МВА-4, магнитную винтовку системы Александра.

– Говори! – перекрикивая рёв картечницы, выкрикнул я.

Дрожащий Березкин испуганно глянул на меня, а потом показал пальцем.

– Если посмотреть под этим углом, – начал он.

– Короче!

– На два дюйма левее петель.

Я не дослушал, так как в этот момент у картечницы кончились патроны, и медлить было нельзя. Я положил ствол магнитки на край телеги и прицелился так, как сказал Березкин – на два дюйма левее петель, а потом выдохнул и плавно нажал на спусковой крючок. Тихий щелчок контактов слился с треском воздуха, разрываемого снарядом, тонким, длинным, стальным и имевшим скорость вшестеро больше, чем у звука, и грохотом пробитой двери и внутренней стены, сбитой из покрашенных толстых досок.

– Попал?!

– Да.

Я кивнул, а потом взмахнул рукой. Из-за угла выбежали четыре кирасира, неся в руках тяжёлые стальные щиты. Из здания слышались выстрелы. Кирасиры начали стрельбу в ответ. А я снова прицелился. Чёрный бородач спрятался слева от окна. Магнитка снова разорвала воздух, но я, навер-

ное, не попал. Слишком толстая была наружная стена. Однако снаряд выбил изрядную щербину в кирпичах и поднял в воздух большую тучу быстро оседающей оранжевой пыли, за которой не было ничего видно.

Кирасиры подбежали к бакалее, и один из них выбил на ходу плечом дверь. Раздались выстрелы, а потом всё стихло.

– Всё, – выговорил дрожащим голосом Березкин. – Я могу идти?

– Проваливай, – буркнул я, зло смерив мужичонку взглядом.

Тот медленно побрёл на подкашивающихся ногах к толпе зевак.

Я выдохнул, когда из дома вышли кирасиры, ведя под локти двух женщин. Одна была работницей бакалеи, а про вторую я не знал, что думать. Замотанная с ног до головы в чёрную ткань, она истерично визжала и пыталась вырваться. Наверное, тоже была попаданкой.

– Принимайте, ваше высокоблагородие! – выкрикнул кирасир, уворачиваясь от ногтей женщины, готовых вцепиться в открывшего лицо бойца.

Из толпы зевак к нам вышли мои помощники. Сестра милосердия и пожилая дама очень благообразной наружности. Не все попаданцы опасные звери, и некоторых приходилось отпаивать валерьяной и мягко успокаивать, вот тогда и нужна наша незабвенная Марфа Валерьевна, имеющая должность, которая так и звучала: «приветливая дама».

Марфа Валерьевна подошла к женщине в чёрном и мягким тёплым голосом попросила кирасира отпустить незнакомку, а та всё продолжала истерично визжать, пытаясь разорвать на себе одежду.

Я вздохнул и отвернулся, решив, что справятся без меня. Тем более что нужно осмотреть трупы, чтоб попытаться узнать, из какого они мира, и собрать трофеи, дабы обследовать самому и передать их для изучения. А ещё в нашу сторону настолько быстрым шагом, насколько позволял чин, шёл куратор нашего предприятия господин Бодриков. Невысокий и плотно сбитый, и оттого немного похожий на английского бульдога, барон был, как всегда, чопорно одет и сосредоточенно разглядывал каждую мелочь. Он считался мастером своего дела, и не зря дослужился до чина надворного советника, равного подполковничьему в войсках.

В тот миг, когда я поднял руку в приветствии, сзади раздался очень громкий взрыв. Я резко обернулся.

Женщина в чёрном перестала существовать вовсе, а сестра милосердия и Марфа Валерьевна превратились в куски совсем не благообразного мяса, разбросанного по улице. Даже три кирасира не пережили взрыва бомбы, повалившись бронированными трупами. Их кирасы были изрешечены осколками. По толпе зевак прокатился истошный визг.

Я долго глядел на всё это, а потом прислонился к стене и сполз вдоль неё на тротуар, где остался сидеть, молча глядя на то, что когда-то было моей группой. Глаза защипало от

слёз, и пришлось поднять лицо, чтоб не выглядеть зарёванным на людях.

Рядом сел барон. Он несколько раз крутанул в руках трость с золочёным набалдашником.

– Остолопы, – ворчал барон, глядя перед собой, – дуболомы пехотные. Учишь их, учишь. Обыскивайте. Обыскивайте. Обыскивайте! Нет, всё через одно место. И твои барышни тоже хороши. Хотя чего уж сейчас говорить.

Бодриков сжал губы, зло стукнул тростью о брусчатку, а потом вытянул ногу, испачкав свои дорожные брюки и не обращая внимания на противно морозящий дождь.

– Ты сделал что мог. Не кори себя. И знаешь, отдохни недельку, – медленно произнёс он.

Я хмуро поглядел на него, ожидая продолжения.

– Потом новую группу наберёшь, – проговорил мой начальник.

Я смолчал, а барон достал из кармана небольшую склянку с белым порошком.

– Знаешь, что это?

Я медленно покачал головой, мол, нет.

– Пенициллин, – продолжил барон. – Сие чудесное лекарство мы и нашли в записках одного попаданца, к сожалению почившего, но имевшего сведения о методе дешёвого промышленного производства. Знаешь, сколько детей доживут до взрослых лет? Сколько больных можно вырвать из лап смерти? Сколько солдат встанут в строй, а не умрут от зара-

жения крови и воспаления лёгких?

– Солдат, – усмехнулся я.

– У нас очень напряжённые отношения с кайзером! – повысил голос Бодриков, несколько раз сердито ткнув указательным пальцем в мокрую брусчатку, словно показывая точку на карте. – А ещё Британская Империя начинает выпрямлять спину после подавления двух кровавых бунтов в Новом Свете! Японский император постоянно вторгается в наши воды в Тихом океане. Османцы опять на юга зарятся. Они все хотят откусить ломоть пожирнее от нашей державы. Война – это дело времени. Нам нужны попаданцы. И даже если девяносто девять из ста – пустышки, то этот один стоит очень многого. Как тот, что дал нам знания о графеновых батареях. Поэтому ты соберёшь новый отряд и будешь охотиться дальше.

– Да, ваше превосходительство, – нехотя произнёс я.

– И жену навести, – продолжил он.

– Это не совсем моя жена, – устало посмотрев ему в глаза, ответил я. – Если не забыли, я сам наполовину чужой в этом мире.

– Она этого не знает, – поморщился барон. – Для неё ты – её муж. Понятно?

– Да, ваше превосходительство.

– И поосторожнее будь, – добавил он, указав пальцем на меня.

Я опустил глаза и потрогал рубашку, мокрую не только от

дождя, но и от крови. Осколками взрыва зацепило и меня, пробив левую руку в трёх местах и оцарапав рёбра. Всё-таки иногда хорошо, что я не умею чувствовать боль.

– Буду, – совсем тихо ответил, глядя, как бегут по мостовой ручьи этого противного дождя.

Дождя вперемешку с человеческой кровью.

Глава 2

Пробой

Мои пальцы осторожно легли на подкопчённое стекло керосиновой лампы. Огонёк на конце фитиля горел ровно, лишь иногда вздрагивая, словно сонный испуганный снегирь, и тогда с него поднималось небольшое облачко чёрного дыма. Язычок пламени казался живым и обладающим своей судьбой. Он ронял мягкий трепещущий свет на кучу служебных бумаг, канцелярские принадлежности, сейф с ассигнациями и личным оружием, украшенный позолотой телефон с лежащей на рожках трубкой и витым шнуром и стены моего кабинета, украшенные декоративной лепниной эпохи Возрождения. По бокам от входной двери в стены вжимались тонкие полуколонны ионического стиля. Потолок был тщательно побелен, а между ним и стеной шёл резной золочёный плинтус, изображавший лавровые ветви. В одном углу находился небольшой лежак, исполненный на древнегреческий манер и обитый чёрной тканью. В другом стояла статуя обнажённой девы с кувшином на плече. Стены покрывала мелкая лакированная доска-вагонка.

Как-то сказали, что сие есть полнейшая безвкусица, но именно это мне нравилось – совмещение плохо сочетаемого, как кислое и сладкое. Как парадоксальное единение чуждого

и местного, которым являлся сам.

Я уже привык беречь свою тайну, единственным осведомлённым о которой был барон Бодриков.

Впрочем, я тоже претендовал на титул, но не сильно торопил события, посылая прошения не чаще раза в год. Передавать моё состояние некому, и перспектив я не видел. Моя официальная жена лежит в лечебнице с не смертельным, но неисцелимым недугом вследствие пережитой травмы. Ей показан постоянный надзор сестёр милосердия, грязевые ванны и свежий воздух. Иметь детей ей настоятельно не рекомендовалось.

Я разжал пальцы, позволив лампе ещё лучше осветить кабинет, в котором часто ночевал, потрогал бинты, намотанные на обнажённый торс и левую руку чуть выше локтя. Раны, полученные при том взрыве, были не серьёзные, а уж с моей-то живучестью повязки можно снять через несколько дней.

Тяжёлый резной стол из морёного дуба с канцелярским набором на нём, обитые зелёным сукном стулья, украшенный позолотой дорогой телефон, портреты императорской семьи и герб империи на стене придавали кабинету некую торжественную обстановку, а больше трёх десятков экземпляров самого разного холодного оружия добавляли пафоса. Но это были мои трофеи, добытые за шесть лет охоты. Одним из них даже чуть не закололи, хотя убить меня не так-то легко.

Я усмехнулся. Мысли об убийстве выхватили из памяти другой курьёзный случай. Все вещи я покупал по антикварным магазинам или выписывал из-за границы, а вот большую картину, висящую между трофеев, заказал у местного мастера. Мне его расхваливали очень сильно. Мол, самородок. Заказал я у него южное побережье Италии, так, чтоб и море, и оливковая роща, и гора с античным храмом. Картину хотел повесить над камином, облицованным тёмными фарфоровыми плитками.

Каково же было моё изумление, когда художник представил мне своё творение. Оказывается, этот самоучка при всём своём таланте никогда не был не то что в Италии, а даже на море. В итоге масляная живопись изобразила вместо бьющихся об отвесные скалы зелёно-голубых волн мелкую рябь широкого пруда. Мастер честно посетил Уральские горы, посему скалы вышли на славу, а вот вместо оливковой рощи на их склонах росли причудливо изогнутые плакучие ивы. Храмовое сооружение он тоже честно попытался передрать с какого-то другого полотна, но в итоге вышли лишь колонны и разбросанные везде обломки стен из белого кирпича.

Я, когда картину увидел, сразу захотел его убить. И если бы не кирасир, зашедший ко мне в тот момент с докладной, который и без брони был здоровенным детиной, а в ней и по-давно казался былинным богатырём, то просто бы проткнул этого самоучку одним из своих трофеев. Но всё же сжалился и выплатил всю немалую сумму, но не ассигнациями, а

большим мешком меди.

Забавно, что всякий, входящий в этот кабинет, смотрел на картину и спрашивал, мол, хорошо, наверное, в Италии. Я вздыхал поначалу с горестью, а потом и сам согласился, что такой Италии ни у кого больше нет и быть не может.

Вместе с оружием на стене висели различные артефакты, не представляющие интереса для науки, а должность позволяла с молчаливого согласия барона присваивать безделушки. Но для меня они были не просто трофеи. Я всё ещё лелеял надежду, что среди них найдётся тот самый. Единственный. Который развернёт несуразное origami моей жизни, а потом свернёт так, как надо. Должен же он существовать, раз скомкал в невероятной причуде три года назад души пришедшего воина и здешнего охотника.

Размышления прервала какая-то ранняя птица, с шумом бьющихся о стекло крыльев и скрежетом когтей по жестяному подоконнику севшая на окно. Я оторвался от созерцания огня и поднял взор. За сложенным из десяти стеклянных квадратов окном моросил дождь, сбегая по стеклу крупными каплями, а тьма вот-вот готовилась уступить черёд сонной серости пасмурного утра. За окном проступили контуры мокрых и озябших клёнов.

Я вздохнул и задумался о насущном. Что же мы имеем? Отряд погиб. А кто не погиб, того я просто выгнал за безответственность. Нужно набирать новых. С чего начать? В состав группы контакта должно набрать медицинскую сест-

ру, приветливую даму и угрожающего воина для укрощения строптивых. Ведь и такие бывают, что только силы боятся, и если здоровенный детина заорёт на них благим матом и схватит за шиворот, то поймёт, что нужно быть тихим, смиренным и уступчивым. Нет, лучше две медицинские сестры.

Я протёр ладонями лицо со щиплющими от бессонницы, словно в них насыпали мелкого песка, глазами, расправил лист жёлтой писчей бумаги и, взяв из подставки стальное перо, вставленное в ручку из моржового клыка, быстро шурша, начал составлять донесение.

«Его свѣтлости. Секретно.»

Сегодня, пятнадцатаго мая одна тысяча девятьсотъ двадцать шестаго года въ уѣздномъ городѣ Новообске произошелъ проколъ мірозданія. Въ нашъ міръ попали шестеро мужчинъ и одна женщина. Пришлые были настроены весьма зло. Попытки мирныхъ переговоровъ не увѣнчались успехомъ, и намъ пришлось примѣнить силу. Въ ходѣ столкновенія всѣ семеро пришлыхъ убиты, при этомъ женщина применила закреплённую на теле взрывчатку, отъ чего погибли двѣ сотрудницы отряда по поиску людей и предметовъ инородного происхожденія и два кирасира сто пятаго пехотного полка, расквартированнаго в городъ. Въ ходѣ обыска были обнаружены предметы, дающіе слѣдующую оцѣнку пришлымъ: міръ технически развитъ. Техническое развитіе приблизительно опережаетъ наше на пятьдесятъ-восемьдесятъ лѣтъ, однако,

непосредственно попавшіе къ намъ личности по косвеннымъ признакамъ относятся къ консервативно настроеннымъ его обитателямъ съ отсталымъ обществомъ. Судя по характеру возникшихъ при пробое радіопомехъ, личнымъ вещамъ и надписямъ на обмундированіи, можно предположить, что они прибыли на Землю из міра, записанного в реестръ, как *Терра-3*, схожаго структуре естѣства съ нашимъ, но лишеннаго эфирныхъ субстанцій, а какъ слѣдствіе, сверхъестественныя возможности у нихъ полностью исключены. Изъ наиболее важныхъ для изученія предметовъ можно выдѣлить: огнестрѣльное автоматическое оружіе и ручную мортиру съ боеприпасами къ нимъ; часы стрелочныя, двѣнадцатичасовыя, на химическихъ батареяхъ; нѣсколько приборовъ неизвѣстнаго назначенія, не сумѣвшихъ пережить переходъ изъ міра в міръ».

Записав это, я подул на чернила, ещё раз пробежался взглядом по строкам и добавил снизу: *«Старшій Новообскаго отряда коллежскій асессоръ Е.Т.Тернский»*.

Донесение готово. Я во внезапно наступившем на мой рассудок полном отсутствии мыслей пробежался, потёр пальцами краешек листа и только лишь когда на самом краю поля зренія что-то засверкало, спешно поставил круглую печать и поднял глаза. По комнате порхала ярко сияющая моль. Она сама была словно тот огонёк, коптящійся в моей лампе. Духи-огнёвки часто прилетают на огонь, словно ноч-

ные мотыльки. Поговаривают, что это и есть души сгоревших мотыльков, но это брехня, духи были лишь паразитами, питающимися силами стихий, и с тех самых пор, как человек разжёг свой первый костёр, стали неизменными его спутниками.

Тем временем светящийся мотылёк, которого далеко не каждому дано увидеть, сел на копчёное стекло лампы, пару раз шевельнул крыльями, а потом стал просачиваться сквозь стекло. Он потёк как капелька воска на жаре, а изнутри керосинки стал обретать форму крохотной улитки с раковинкой чуть больше ногтя мизинца. Раковина сияла раскалённым угольком, особенно ярче в местах завитков, а сама улитка потянулась полупрозрачными рожками к огню.

Да. Всё верно. Я макнул перо в золочёную чернильницу-непроливайку, испачканную потёками тёмной жидкости, и добавил в списке ещё одно действующее лицо. Провидец. Тот, кто может видеть сокровенное. Не только живые люди проникали на Землю, но и твари куда опаснее. Хорошо, что без тела они не проживут и трёх дней. Вот только за эти три дня могут наворотить такого, что мало не покажется.

В дверь деликатно постучали.

– Да, войдите!

Дверь легонько приоткрылась, и в неё просунулась голова дневального. Пожилой служивый, отличавшийся большими седыми усами и отросшей за дежурство щетиной, всегда брал ночные смены, чтоб днём возиться с внуками. Его доч-

ка у меня стряпухой работает, причём весьма отменной, так что я прощал ему частые нарушения, когда он спит, сложив руки на животе и уронив голову на грудь, прямо у входной двери на мягком антикварном кресле, стоящем больше, чем его годовое жалование. Одно радует, что на кресло служивый, которого все простейшим образом вместо имени-отчества звали Старый, додумался класть чистую простыню, а его храп на всю усадьбу, превращённую в штаб-квартиру охотников, ознаменовывал, что никакого вторжения в наш мирок нет.

– Ваше высокоблагородие, там попаданца привели, – произнёс он хриплым голосом, а потом с какой-то заботой, от которой стало немного теплее на душе, добавил, – а что вы в темени сидите? Эти новые лампы такая прелесть, а вы с этой керосинкой.

– Старый, когда вы звонить научитесь? Нет, нужно непременно в дверь стучать, – мягко посетовал я.

– Ну так, телефон ваш шибко громко орёт. А ежели вы не принимаете, конфуз выйдет? А так постучал тихонько, не ответили, и пошёл обратно.

Я сокрушённо вздохнул, встав и взяв со спинки кресла свою рубашку и кобуру скрытного ношения на ремешках, а потом остановился и посмотрел на убелённого годами войн и тяжким бытом дневального.

– Вот какая незадача, Старый, получается. Барышни нужны для контакта, а близко их подпускать боюсь теперь. Вдруг

опять подорвут.

– А что, мужик не справится? – снова спросил он с прищуром, мол, ругайся, начальник, тебе оно должно так.

Вот что мне нравилось в этом служивом, так это его прямота без хамства, бесстрашие без дерзости и доброта без заискивания. Однажды я ему пригрозил плетями, а он в ответ, мол, десять лет на Кавказе под пули да на острые шашки лез, чай, и здесь не страшнее. Хотите выгнать, выгоняйте, а как с дитём обращаться не стоит.

– А вот какая ещё, Старый, незадача. Многие пришлые с девицами лучше ладят.

– Так вы девицу в кирасу снарядите, – усмехнулся служивый, наблюдая, как я застегнул все пуговицы на рубашке, а потом звонко вжикнул золочёной затяжкой-молнией на сюртуке.

Это тоже ныне модное нововведение. Хитрый барон Бодриков всех прибывших осматривает и всякие интересности патентует. У него даже подшефная мануфактура в пригороде имеется, где все новшества пробуют мастерить, а потом в свет выводить. На сие нарушение верхние чины закрывают глаза, так как у нас всегда есть деньги на снаряжение и выплаты в случае порчи разного имущества, и из казны если и просим, то немного. Впрочем, все губернские начальники имеют такие мануфактуры, давая на лапу с вышестоящим.

– Да ты умом тронулся, Старый. Девицу и в кирасу, – хмыкнул я. – Сам-то понял, что сказал? Меня же все за-

смеют. Я, может, и пойму, а наши верхние чины все как один консервативны и старомодны. Некоторые ещё крепостное право помнят.

— А что, — пожав плечами, ответил дневальный, — помню, у нас монашка была, так её упрятали в броню, чтоб не зашибло — война же. Вокруг взрывы, пули свистят, а она стоит, эдакий ангел, отходную павшим во весь голос читает. Её кавказцы так и прозвали, стальным ангелом.

Я вздохнул, взял котелок с вешалки и трость с подставки.

— Пойдём, рационализатор, — с ухмылкой произнёс я, и прежде чем выйти, щёлкнул рубильником.

Кабинет наполнился тихим мерным жужжанием и ярким белым светом, источаемым тонкими трубками газоразрядных ламп, упрятанных в люстру на потолке. Пусть, глядя в моё окно, все думают, что я уже проснулся.

Усадьба была трёхэтажная, правое крыло больше левого, а ещё и двухэтажная пристройка к нему шла. Кабинет в этой пристройке находился, посему приходилось идти сперва по длинным коридорам, и только потом открывался большой зал, ранее используемый для скромных балов. Зал освещался тремя десятками белых ламп, до сих пор непривычных.

Пахло луком и салом. Не иначе, Старый перекусывал на посту.

Я залез под сюртук, достал из кобуры револьвер, заложил руку с ним за спину и оперся на трость, изображая вальяжную небрежность. Следовало, конечно, принять такого нару-

шителя в крохотной караулке на проходной, да только терпеть её не мог. Каменный мешок, да и только. Меня в такую тесноту разве что самой суровой необходимостью заманить можно. Так что, лучше в зале.

– Впусти.

Старый торопливо вышел на улицу, а потом быстро открыл дверь нараспашку и убежал за свою дежурную стойку, где его ждали обрез двустволки и два револьвера. Конечно, нападать на тайную канцелярию никто не станет, тем более что часовой на калитке обыскал пришлых на предмет оружия, прежде чем пускать сюда, но был случай, когда попаданец, неизвестно что подумав, убил приведших его голыми руками.

Вопреки ожиданиям в зал вошли не городовые, а некто, одетые, как портовые грузчики, и вели они перед собой смуглого азиата, одетого в грязный-грязный халат и серую войлочную шапку.

– Это, ваша высокобродь, – начал один, – мы это, привели. Нам бы это. Хоть рубль какой.

Я скрипнул зубами. За поимку пришлых давно объявлена награда, но при этом определён порядок их представления. В таких случаях требовалось сначала прийти в полицию и изложить суть вопроса. Там бы попаданца посадили в одиночку, а потом пришли бы и мы, или полицейские чины привели его сюда, но вот так самим – это верх наглости. Но с другой стороны, полицейские могут выгнать ходоков взашей, а по-

имку присвоить себе. Вот и привели.

Я ещё раз оглядел приведённого им человека, испугано таращившегося то на меня, то на своих пленителей, то на яркие газоразрядные лампы. Одежда на нём была самая обыкновенная для жителей степей. И хлопковый стёганный халат, и грубо сделанные сапоги с загнутыми носами, и войлочная шапка с отворотами.

– Старый, кликни Бычкова, – медленно произнёс я, и пожилой вояка тут же покрутил рукоятку телефона и приложил трубку к уху.

– Аппаратную. Да. Ванька, бегом вниз, Евгений Тимофеевич зовёт!

Через несколько минут раздались звонкие шаги и скрип новых ботинок, и на лестнице появился молодой человек в статском двубортном сюртуке синего цвета со знаками различия работника связи. Он быстро спустился и, подойдя ко мне, щеголевато щёлкнул каблуками, вытянулся по струнке. От него пахло жжёной резиной, канифолью, кофею и женскими духами. Этот стервец опять, поди, у связисток ошился. Давно во избежание чего-либо хотел коммутатор и спецаппаратную по разным крыльям усадьбы разнести, да постоянно откладывал из-за наличия большого количества проводов.

– Пробой был? – спросил я у него, лишь мельком осмотрев.

– Никак нет, ваше высокоблагородие! – бодро отрапорто-

вал юнец.

– Свободен, – произнёс я, дождался, пока дежурный оператор-пробойщик не уйдёт, а потом повысил голос. – Вы что, подонки, дурить меня вздумали?! Вы зачем киргиза сюда притащили?! Пшли вон!

– Так, это попаданец же, – не унимался один из них, всё ещё надеясь на халявные копейки.

– Вон! – рывкнул я, достав из-за спины руку так, чтоб стал виден револьвер. – Вы... вы... вы...

Внутри вскипела ярость. В висках гулко застучало. Мир слегка подёргнулся, сперва потемнев, а потом коротко вспыхнул, на мгновение ослепив. Язык отказался слушаться, отчего речь стала прерывистая и заикающаяся. Я сглотнул и глубоко вздохнул.

Нужно успокоиться. Если ярость сорвётся с цепи, я просто поубиваю их всех. В такие моменты даже мои глаза меняли цвет с голубых на карие, принадлежавшие моему тайному альтер эго.

«Stulti. Глупцы», – прошептал я сперва на латыни, а потом на русском, сделал ещё один глубокий вдох и медленно выполнил мысленный счёт до пяти, прежде чем продолжить.

– А знаешь что, Старый, подними караул в ружьё. Пусть повяжут этих недоумков. За мошенничество.

– Ваш бродь, какое мошенничество? – запричитал молодчик. – Мы просто на водку хотели заработать.

– Идиоты! – прокричал я, задрав глаза к потолку и мыс-

ленно проклиная человеческую жадность и тупость, а потом понизил голос и зло выдавил из себя. – Старый.

Дневальный достал из-под стойки обрез и навёл на ходов. Ничего не понимающий киргиз что-то залепетал, видимо, думая, что это его могут пристрелить, как виновника всех событий.

– На пол, – процедил я, а потом сразу перешёл на крик. – На пол, твари! Руки за голову!

На мой крик в прихожую влетел часовой с винтовкой наизготовку. Оружие зловеще сверкнуло в свете газоразрядных ламп заточенным штыком. Ходоки рухнули плашмя на паркет, а я на глазах у них поднял перед собой офицерский самовзводный наган, с треском храповика прокрутил барабан и под причитания «не надо» набрал в лёгкие воздух, чтоб в очередной раз разразиться гневной тирадой, но в этот самый момент с лестницы раздался крик Ваньки Бычкова.

– Ваше высокоблагородие, пробой!

– Чёрт с вами... Старый, вышвырни их отсюда, – произнёс я.

Дневальный, даром что уже дед, мог легко скрутить любого, да и стрелять умел без промаха.

Не глядя на происходящее, я быстро побежал за оператором. Что узел связи, что аппаратная находились в большом крыле на первом этаже, но в зал оттуда можно попасть либо через улицу, либо через второй этаж. Я бежал и ругался на чём свет стоит.

Как оно всё не вовремя. Я один, группа ещё не сформирована, вызвать новых солдат из расположения полка – это траты времени, которого у нас нет. Придётся действовать самому.

Уже будучи в операторской, я прильнул к небольшому круглому серому экранцу не больше тарелки для супа. В помещении стоял гул логических ламп и тонкий нарастающий свист. Свист потихоньку становился тоньше и громче. Именно свист был признаком пробоя. Антенны ловили возмущение эфира в виде ровных гармоник, а сложнейшая аппаратура показывала положение источника относительно нас. Вот и сейчас на экране мерцала яркая точка.

– Увеличь.

Ванька щёлкнул переключателем, и точка резко сместилась к самому краю экрана, а я взял со стола небольшую карту и приложил к стеклу. Огонёк просвечивал через бумагу, показывая нужное местоположение.

– Кирпичный завод. Это в трёх вёрстах от нас, – быстро произнеся свои мысли вслух, выпрямился я. – Ванька, поедешь со мной.

– Я стрелять не умею, – быстро ответил тот.

– Я умею, – буркнул я и протяжно выругался.

Мир точно сошёл с ума. Раньше попаданцы являлись раз в три-четыре месяца, а сейчас два пробоя подряд, да ещё и через день друг после друга.

– Поехали быстрее.

– Ваше высокоблагородие, а если ещё пробой будет?

– А кого ты предлагаешь брать? Кухарку, что ли? Или дворника? Да они под себя нагадят со страху. И у тебя дежурство через час кончается. Дневального снимать с охраны нельзя, к тому же Старый всех, кого надо, оповестит.

Ванька быстро схватил синюю шинель из тонкого сукна и надел фуражку. Мне тоже пришлось взять из кабинета свою шинель с меховым воротом, на что было потеряно несколько драгоценных минут. Зато быстро добежали до каретного двора, где вместе с обычными двуколками и телегами стоял новенький электрический автомобиль с круглыми фарами, сделанными из лакированной фанеры дверцами и крышками моторного отделения, и складным брезентовым верхом. Спортивная игрушка обошлась в огромную кучу денег, зато на ней можно ехать когда угодно и куда угодно. За полированное рулевое колесо из красного дерева сел сам, ибо имел опыт управления такой штуковиной.

На голову я надел модный ныне в среде автолюбителей кожаный шлем авиатора с большими очками и застёгивающимися на ляжки «ушами». Правда, очки я сдвинул на лоб, а сам шлем не застегнул, это придавало бравый и в меру развязный вид. Старый к тому времени уже открыл ворота, и мы выскочили на улицу. Высокие колёса автомобиля с каучуковым покрытием и тонкими стальными спицами, подпружиненные новейшими рессорами, с шумом шли по брусчатке городских улиц. В это ранее утро народу почти не было, и

движению никто не препятствовал. Лишь изредка полусонные работяги провожали нас любопытствующими взглядами, отойдя предусмотрительно к стенам домов, однажды залаяли собаки, когда я сжал резиновую грушу клаксона, крикнув ею на всю улицу в требовании обратиться с дороги.

К кирпичному заводу подъехали всего за четверть часа. Его дымящаяся труба была хорошо видным издали ориентиром.

– И где его ловить теперь? – тихо спросил Ванька.

Я не ответил, прислушиваясь к шумам. Сначала ничего не было слышно, лишь капли воды после прекратившегося дождя, падающие в лужи, чириканье ранних птиц да отдалённые гудки паровоза, разносящиеся в такую рань на многие вёрсты.

– Что дальше? – прошептал Бычков, придвинувшись поближе ко мне и сжимая в руке револьвер, который я ему вручил по дороге.

– Ждём.

– Чего?

Я сделал протяжный вдох и поднял руку.

– Вот этого.

Неподалёку раздался негромкий характерный хлопок. Это означал, что пробой свершился.

– За мной, – тихо произнёс я и побежал к проходному заводу.

Невыспавшийся сторож ничего толком не успел сказать,

когда я рывкнул ему в самое лицо.

– Тайная канцелярия!

– Так ведь...

– Попаданцы есть?

– Прости, господи, – сразу запричитал тот и перекрестился.

Этот вопрос всегда ставил людей в неудобное положение, отчего они просто разевали рот, как рыбы на берегу, или мямлили несуразицу. А в совокупности с тем натиском, с которым мы хотели пройти, сие всегда работало безотказно.

За тем, кого мы искали, долго бегать не пришлось. С улицы раздались возгласы ранних работяг, и ещё какие-то крики. Мы быстро проскочили во внутреннюю территорию.

– Что за чёрт такой, прости господи? – ошеломлённо вымолвил сторож за спиной, а поглядеть было на что.

Прямо посередине двора, между цехом и большой стопкой кирпичей, стоял какой-то дикарь. Из одежды на нём только набедренная повязка из соломы, шкура на плечах и расписная маска на лице. Маску обрамлял большой ворох разноцветных перьев. Кожа пришлого была чёрной, покрытой фигурными шрамами.

Дикарь непрестанно бубнил непонятные слова, испуганно озираясь по сторонам. Самое примечательное, что в руках у него оказались два пистолета. Старинных, с кремнёвыми замками. Дикарь их держал в трясущихся руках и всё повышал голос, словно читал молитву.

– Что делать-то будем? – спросил у меня из-за плеча Ванька Бычков, разглядывая этого чужака, который в какой-то момент очень зябко поёжился.

– Здесь стой и не давай рабочим заходить на территорию, покуда не прибудут кирасиры или полицейские.

Я осторожно пошёл вперёд, разведя в стороны руки – это обычная практика при встрече с дикарями, а ещё нужно легко улыбаться, но не гримасничать и не показывать зубы.

В то же было видно, как рабочие разбежались по углам и сейчас выглядывали из узких заводских окошек и из-за строений. Завод-то небольшой, особо и спрятаться некуда.

– Ты понимаешь меня? – негромко спросил я, мелкими шажками приближаясь к нему.

Дикарь поднял руку и прикоснулся дулом пистолета к деревянной маске с узкими щёлочками для глаз туда, где под маской был лоб, а потом медленно провёл рукой сверху вниз до подбородка. Раздался звук шелеста железа по пробковому дереву. В свете раннего утра едва заметно блеснули зрачки. Ладонь с пистолетом опустилась, а дикарь перестал трястись. Он явно выполнил какой-то ритуал.

А потом мне показалось, что контуры тела дикаря едва заметно дрогнули, словно я посмотрел на него через плохое стекло. Дрогнули и вернулись в прежнее состояние, а следом на мгновения дрогнул весь мир, кроме него и меня.

– Окуби. Идемони, – зло процедил пришлый режущим слух сухим голосом, полным невероятной ненависти.

Я замер, а дикарь сорвался на крик. Он что-то орал и орал, то подаваясь вперёд, то отступая. А потом вдруг поднял пистолеты. Щёлкнули курки, с шипением взметнулись небольшие облачка белого дыма, а потом пистолеты выстрелили.

– Да чёрт тебя поberi! – закричал я в ответ и вскинул руку с револьвером, услышав просвистевшие мимо пули. Пальцы сжались на рукояти револьвера с семью патронами в барабане. – Стоять! Не двигаться!

Дикарь разжал руки, отчего пистолеты упали на щебень под его ногами, и быстрым движением выхватил длинный прямой клинок, похожий на кавказский кинжал кама.

– Стоять! – ещё раз выкрикнул я, но пришлый нечленораздельно зарычал и бросился на меня, стиснув в руках свой кинжал.

Между нами было около полусотни шагов, и на раздумья просто не нашлось времени, осталось только убить.

Револьвер сухо выстрелил, потом ещё раз. Но дикарь не сбавил темп, хотя я точно видел, что он дёрнулся от попавшей в него пули. Пуля калибра три линии, или как модно сейчас говорить, семь целых шестьдесят две сотых миллиметра, имеет большое останавливающее действие. Бывало, что даже лошадь могла остановить. Но дикарь всё бежал.

Я снова начал нажимать на спусковой крючок, а когда все семь патронов кончились, без всяких затей дождался, пока пришлый не подбежит ко мне, и нанёс прямой удар ногой в живот. Мелькнула мысль, что зря я не ношу шашку или

саблю.

К слову сказать, дикарь уже был на последнем издыхании, ведь все семь пуль попали в него, а маска сильно ухудшала обзор. Пришлый уже, наверное, почти не соображал, так как вяло взмахнул клинком, распоров мне штанину чуть ниже колена и оставив небольшой порез на ноге. Дикарь, шатаясь, отошёл назад на пару шагов, снова поднял клинок, готовясь атаковать, но эту дуэль он проиграл.

– Идемони, – снова сухо и зло процедил этот странный попаданец, а потом кульком упал на спину и стал дёргаться в судорогах в луже грязи.

Когда всё закончилось, я протёр рукавом лицо и ещё раз выругался. А потом подумал, что прав, наверное, Старый со своим советом научить новую команду всем премудростям. А ещё чтоб все провидцы были.

– Евгений Тимофеевич, – осторожно задал вопрос Иван, – что дальше?

Он глядел на труп и по-прежнему сжимал в руках револьвер.

Я не ответил, шагнув к дикарю. Мне важно было осмотреть пришлого. Нагнувшись, быстро снял с него маску, под которой обнаружилось совсем ещё молодое лицо худощавого чернокожего парня. Ничего примечательного, если не считать того, что негры в Сибири являлись сами по себе большой редкостью. Даже косточки в носу нет, или прочих уродств, какие можно увидеть на фотографиях в альманахе

о путешествиях.

Пальцы сжали пробковую маску, украшенную зелёными и белыми перьями. Я явственно видел колдовство, творимое этим чужаком. Может, это и есть то, что я ищу все эти годы.

Пальцы быстро коснулись распоротой штанины, испачкавшись в моей крови, а потом легли на край пробки, оставив тёмные влажные отпечатки.

Ничего. А жаль.

Я положил маску назад. Заберу после осмотра тела специалистами барона. В ней явно не будет никакого научного интереса.

– Ждём, Ваня. Скоро подъедут за ним.

– Долго? – спросил Бычков.

– С полчаса, – ответил я, направившись к обшарпанной проходной завода, думая, что кирасиры так и не прибыли нам в помощь, хотя прошло уже достаточно много времени.

Через несколько шагов мир качнулся, словно громадный бильярдный шар, который легко толкнули кием. Пришлось остановиться, чтоб не упасть. В глазах на мгновение потемнело, а потом снова стало ярким, зато пропали цвета, уронив завод, стены и подбежавшего ко мне Ивана в сплошную серость, какая бывает на чёрно-белой фотографии. Боль, которую я обычно не чувствовал, ударила с десятикратной силой. Да так, что из глаз сами собой побежали слёзы.

Иван стоял и что-то пытался у меня спросить, но я его не слышал, лишь видел, как он раскрывал рот с испуганным

выражением лица. Вот оно, ради чего я ждал каждого пришедшего в надежде найти избавление. Моё тело не в ладах со мной же, и начнись приступ десятком минут раньше, дикарь легко расправился бы со мной. Приступы терзали меня не очень часто, но всегда оставляли после себя несколько ночей бессонницы, изматывающей похуже пытки палача.

Я тряхнул головой, чувствуя, как тупая боль чугунными шариками ударилась о стенки черепа, словно язычок в колоколе. Звуки и цвет потихоньку вернулись, а мир перестал качаться, как корабль, попавший в шторм. Остался лишь противный, медленно затухающий свист в ушах.

– Евгений Тимофеевич, с вами всё хорошо?

– Да, – ответил я, сглотнув подступившую тошноту морской болезни, и дотронулся пальцами до раны на ноге.

Боли опять не было.

Глава 3

Здоровенный детина

– Ты зачем туда полез? – зло спросил у меня Бодриков.

Он сидел на грубом табурете возле большого соснового стола, испачканного застарелой, не до конца отшкрябанной с дерева кровью, и крутил пальцами трость, упёртую пятёй в небольшую щербинку на полу. На самом столе покоился, что естественно для мертвеца, давешний дикарь маврской внешности. В покойницкой было холодно и неуютно, так что барон надел свой сюртук заморского покроя, а сверху накинул белый халат.

На другом столе стояла старенькая керосинка, бросая трясущиеся тени на плохо побеленные кирпичные стены. От дрожащего огонька вверх подымалась дурно пахнущая нефтяной гарью струйка чёрного дыма вперемешку с редкими хлопьями копоти. А вокруг этого ручейка гари витали три духа-огнёвки, часто ныряя в него, как ласточки в рой мошкар. Огнёвки сияли угольками, не освещая стол, и не бросая блики на стекло и полированный металл.

Я старался глядеть на огонь, на лицо барона, на труп, избегая взглядом стен, чувствуя при этом биение жилки в виске.

– Боялся, что уйдёт, – ответил я, опустив взор на пули,

лежащие в небольшом эмалированном медицинском судне.

Смятые кусочки свинца раньше принадлежали мне, и именно ими был застрелен дикарь. К слову сказать, пляшущие тени создавали впечатление, что покойник легонько ёжился от холода и вот-вот встанет и пойдёт, но защитные грубой ниткой разрезы на теле говорили об обратном.

– Мда-а-а, – барон едва заметно покачал головой, размышляя, как меня пытать дальше. Он перевёл взгляд на мертвеца, снова вздохнул и тихо заговорил, видимо, размышляя вслух, – Первый раз такого вижу. Уникальнейший экземпляр. А его тут же убили.

Он ещё раз вздохнул, казалось, печальнее прежнего, и посмотрел на меня.

– Сколько раз тебе попадались пришлые в этом городе?

– Одиннадцать, – неуверенно произнёс я, а потом уточнил. – Пять пробоев.

– За семь месяцев, – произнёс Бодриков, ткнув тростью мне в грудь. Не сильно ткнул, но синяк наверняка останется. – Из них два пещерных человека, которые обгадились при виде кирасиров, старуха-кочевница с маленьким ребёнком на руках и мавр, его ты сам спровоцировал.

– А эти террористы? Они несколько человек убили, – парировал я.

– Эти изуверы – довольно редкий случай даже в масштабе империи. Хуже только та бойня под Петергофом, где ты стал непонятным выродком, – повысил голос барон. – Всё, забудь,

что ты старший группы захвата! – чётко разделяя каждое слово, произнёс Бодриков, стучая тростью в пол при каждом слоге. – Ты руководитель маленького отдела в маленьком городе.

– А что я должен был делать? Ждать, покуда он кого-нибудь убьёт? – переспросил я, прикоснувшись ладонью к животу.

Именно там меня чуть не убили по-настоящему. И именно там я получил второй шанс на жизнь.

– Дурак! – вспыхнул барон. – Я опросил свидетелей. Он замёрз, он был испуган. Просто нужно было стоять в стороне, дожидаться полиции, а потом уже взять на измор. Думать надо было, а не стрелять.

Я не знал, что ответить. Барон вроде бы везде и всюду оказывался прав. Я молчал, а Бодриков в который раз тоскливо вздохнул и снова начал причитать вслух.

– Где тот рассудительный и здравомыслящий Евгений Тимофеевич Тернский, которого я знал раньше?

– Нет его, – огрызнулся я, не поднимая голову, так как очень не любил обсуждать эту тему. – Умер.

– Да уж. Лучше бы совсем умер, чем стал таким сорвиголовой.

– Он и так насовсем умер.

Барон опять сжал губы и потянулся за листком писчей бумаги, лежащим возле него на специальном столике, а немного поехавший табурет противно скрипнул об пол. Он слов-

но специально пропустил мимо ушей высказывание о смерти прежнего Тернского.

– Город маленький. Всего шестьдесят тысяч душ. Поэтому о расширении штата речи быть не может. Приветливая дама, фельдшер, провидец, три смены операторов машины поиска пробоев, связистка на дневной рабочий день. Группа поддержки, караул и наряд выделяется от пехотного полка на постоянной основе. Обслужу сам нанимаешь. Точка.

Мы замолчали. Каждый обдумывал своё.

Я же решал, что делать дальше. Ведь налицо было уже два опасных проникновения. И пусть барон говорит, что этого дикаря я сам сподвиг на стрельбу, но что-то подсказывало, он и без меня бы начал убивать. Да, если не брать в расчёт тех террористов, ранее были только мирные потеряшки, как называли пришлых, которых самих приходилось отпаивать чаем, кормить и устраивать в пансионаты. Но для уездного города слишком много трупов за эту неделю. И среди них были мои люди. Не какие-то там, а мои.

Я вздохнул. Да, этот мир мне не совсем родной, но я за эти три года начал привыкать к такому половинчатому бытию, составил новую карьеру, приобрёл новых друзей, а ведь мог кончить как некоторые – в психушке. Я был очень признателен барону, и стараюсь его не разочаровывать. Он это знал и пользовался сим моментом без зазрения совести, хитрый пройдоха.

В коридоре слышались звонкие шаги и скрип новень-

ких подкованных сапог, а через несколько мгновений в дверь осторожно вошёл, придерживая полагающуюся ему по должности шашку, городской в чине старшего унтер-офицера в мокрой шинели и грязных сапогах. Полицейский окинул взглядом помещение и остановился на бароне, который молча и хмуро наблюдал за вошедшим. А из-за спины полицейского выглянул худощавый холёный адъютант начальника. Он брезгливо морщился, глядя на стол с телом. Впрочем, не он один.

– Ваше превосходительство, – почти шёпотом произнёс городской, вытянувшись по струнке, – нашли.

– Что мямлишь? – буркнул Бодриков, – боишься, покойник проснётся?

– Никак нет, ваше превосходительство, но покойницкая всё же.

– Не тyani.

Полицейский, скрипя сапогами, подошёл к нам и осторожно, стараясь не шуметь, положил на край того стола, где горела одинокая лампа, два небольших предмета. Они в свете дрожащего огня блестели серебристым металлом.

– Спасибо. Иди, – произнёс барон, после чего сложил губы трубочкой и стал рассматривать смятые комки серебра, покрытые нагаром и небольшими крапинками кирпичной крошки.

Он медленно приподнял руку и взял эти комки, оказавшиеся на поверку серебряными пулями, сплюснутыми о стену

проходной завода. Глаза его превосходительства заблестели, как это бывало всякий раз, когда он натыкался на интересную задачку.

– Я бы побеседовал с этим дикарём, – вымолвил Бодриков. – Я бы его специально по-русски говорить научил. Мало того, что он стрелял в тебя серебром, так ещё и в долы его ножа тоже было вчеканено серебро. Я бы мог поверить, что у них в мире серебра больше, чем остальных металлов, да только свинцовых пуль в заплочной сумке у него имелось отнюдь не мало, а в его пояс были вшиты серебряные монеты. Так делают, только если хотят спрятать ценности. Значит, он стрелял в тебя целым состоянием, и это ему показалось очень важным. Что же у них там за безобразие в мире?

Я протянул руку и принял поданные мне пули. Серебряные, они по весу лишь немногим легче свинцовых. Железные так вообще бы были в полтора раза легче. Но даже если не глядеть на свойство пули, то во всех известных нам мирах, если пойманные пришлые не врут, серебро в качестве оружия применялось лишь в трёх случаях. Это либо церемониальное, либо подарочное, либо против нечисти. Сам я нечисть ни разу не видел, но серебряное оружие в руках держал.

Барон положил на набалдашник своей трости ладони, а сверху на них водрузил подбородок, используя трость как подпорку.

– Что скажешь? – не отрывая головы от опоры, проце-

дил он сквозь зубы, отчего уподобился старому тоскующему бульдогу, легко подбрёхивающему, лёжа на коврике.

— Не знаю, — честно ответил я. — Но в его глазах читались и страх, и лютая ненависть. Он пошёл на меня словно на чудище, которое не было шансов победить, а отступать не имелось возможности.

Барон прикрыл глаза. Казалось, что уснул, но именно в такие моменты он размышлял плодотворнее всего. А я ещё раз оглядел вещи дикаря. Обычная матерчатая сумка из светло-серого холста на лямке, расшитая при этом чёрной шерстяной нитью. Узоры непривычные, дикие. Пояс с грубыми деревянными ножнами для большого стального кинжала, перетянутыми кожей. Серебряная вставка не была украшением, а сам клинок имел бритвенную обоюдоострую заточку, а на навершии имелось большое медное яблоко с какими-то мелкими письменами. Сталь клинка на удивление хорошая. В сумке лежали сухари, копчённое до деревянного состояния мясо и мелко струганный, тоже копчённый до ужаса сыр, такой же, как делали горцы на Кавказе. Я сначала его принял за порох. Порох, впрочем, тоже имелся в небольших сушёных тыковках. В большие лопухи были завернуты свинцовые пули и войлочные пыжи. Там же нашлись шомпол и мягкая ветошь. Два больших пистолета отличались от семилинейных дуэльных времён императора Александра Первого только узором на деревянной рукояти, изображавшем диких зверей.

А еще пробковая маска.

– Знаешь, – вдруг произнёс Бодриков, – добавлю тебе в штат телохранителя. Ты же просил должность громилы для запугивания, сам ты больше на дворянина в сотом поколении похож. Дерзкий, высокий, статный, лицом ладный. Но с дикарями это не сладится. Тобой только барышень соблазнять. Кстати, с человеком на должность провидца тоже помогу. Есть у меня на примете заведение, где можно попытаться поискать в первую очередь. Да, и ещё об одной должности подумаю. Прогресс бежит семимильными шагами, и негоже, если отстанем от него.

– Спасибо.

– Ладно, иди, – скривился Бодриков.

– А оружие и маску? – с надеждой на очередной трофей спросил я.

Барон ухмыльнулся и тихо хохотнул, всё так же не отрывая головы от опоры. От этого он ещё больше стал похож на брешущего бульдога. Такого старого и немного плешивого, с большими серыми бакенбардами.

– Кто о чём, а вшивый о бане. Ладно, забирай.

Я подхватил сумку, маску, пистолеты и нож, и направился к выходу. Выйдя из этого мрачного до ужаса подземелья на свет, я облегчённо вздохнул и задрал голову к серому небу. Не любил тёмные и замкнутые помещения. Ещё в детстве упал в старый колодец и просидел в нём три дня. Если бы не случайно пришедшие к нему отпрыски рыбаков, то так бы и

потерял жизнь, оставив на память белые мальчишеские косточки, обглоданные мышами. Никогда не забуду тьму, холод, давящие каменные стены, безнадежную тоску в ожидании мучительной голодной смерти и лишь маленькое пятнышко ночного неба с бриллиантами звёзд над головой. С тех пор стоит оказаться в тесноте, как на меня она начинала давить, да так, что виски гудели. Даже пришедших в усадьбу вопреки указаниям встречал не в каменном мешке проходной, а в просторном парадном зале. И обязательно чтоб много света было. Лишь в своём кабинете мог сидеть, обхватив руками лампу, словно спасательный круг.

Я не боялся пуль – приходилось стреляться с десяти шагов. Не боялся холодной стали – умел фехтовать и ходил в бой на ошетилившийся штыками или пиками строй пехоты. Не боялся высоты и глубокой воды – нырял с реи в морскую пучину. А вот тесный камень боялся. Бывало даже, кровь носом шла, так сильно билось сердце.

Странно, но страхи обоих моих жизней не смягчались, как горькая водка сладкой настойкой, а добавлялись один к другому.

Но барон об этом знать не должен.

Я сел в электрический автомобиль и кинул трофеи на сиденье справа от меня, а потом откинулся на своём месте, и лишь спустя четверть часа включил электричество небольшим рубильником на приборной доске.

Авто почти беззвучно, если не считать едва заметное гу-

дение обмотки двигателя и шуршание каучуковых колёс, покатилося по улочкам, подпрыгивая на брусчатке, добавляя иногда звуки бряцающего инструмента в багажнике. Брезентовая крыша защищала от дождя, а ветровое стекло собственно от ветра. Красота. Всплыли воспоминаия моей скрытой личины, в очередной раз смешивая образы этого и чужого миров в причудливый коктейль. В том параллельном прошлом о подобном удобстве даже мечтать было нельзя. Там мы электричества не знали, и нефти, кстати, тоже. Мелькнула мысль, что дешёвые и надёжные графеновые батареи напроць убили бензиновые двигатели.

Где искать громилу, я уже знал. А раз так, то можно сразу этим и заняться.

Полк стоял на берегу реки Каменки, впадающей в широкую и медленную Обь. Ухабистая дорога с плескающей под колёсами грязью луж далась достаточно быстро, и вскорости я подъехал к расположению полка. Двухэтажные казармы с толстыми стенами из красного кирпича и двускатными крышами соседствовали с одноэтажными домиками мирных обывателей. Над ними возвышались трёхэтажные многоквартирные дома для офицеров полка. Уже у самой караулки на въезде в часть пришлось разминуться с телегой, запряжённой чёрным понурым мерином. Полученные от попанцев знания двигали научный прогресс, но экономика и промышленность не успевали за ним, посему электрические гоночные автомобили соседствовали с гужевыми повозками,

газоразрядные лампы с керосинками, теплородные турбинные генераторы и паровозы с могучими теплородными котлами жили бок о бок со старинными чугунными печками. И если в центре даже такого маленького городка прогресс был налицо, то на окраинах его присутствие ощущалось едва-едва, а в дальних деревнях так и вовсе, кажется, придёт через сто лет.

Я вышел из машины, и старательно обходя небольшие грязные лужи, дабы не намочить новые лакированные штиблеты, направился к караулке. Беда России вечна, и даже если на Луне появится колония Российской империи, там тоже будут разбитые грязные дороги.

Представившись дневальному коллежским ассессором Тернским, коим, впрочем, я и был, и сунув солдату пятнадцать копеек серебром на махорку, чтоб приглядывал за машиной вдвое лучше приказного порядку, я пошёл в кирасирскую роту, единственную на весь большой гарнизон. Рота только прибыла с обеда, и солдаты, косясь на меня, занимались своими нуждами. А я внимательно наблюдал за ними. Набирать помощника из полиции не хотелось из-за большего доверия служивым. А если уж решил набрать из простых, то лучше сразу подготовленного.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие, – раздался рядом голос. Молодой поручик, наглухо застегнув новенькую гимнастёрку с тщательно начищенными медными пуговицами, щёлкнул каблуками сапог и представился. – Поручик

Рыбкин!

Я улыбнулся. В отличие от линейной, то бишь, строевой роты, механизированными кирасирскими взводами командовали не унтер-офицеры, а поручики или подпоручики. У меня самого статский чин коллежского асессора был равен майорскому, а служба в тайной канцелярии добавляла вес.

– Где ротный? – спросил я без предисловий и представлений.

Кирасиры прекрасно знали меня, так как именно от них я брал капрала с полувзводом.

– В отлучке, – тут же ответил поручик.

– Строй роту.

Взводный бросил взгляд на дневального, который стоял за моей спиной, ожидая указаний, и по помещению разнесся возглас: «Рота, становись!»

Я аж поморщился, так как дневальный прокричал это почти у самого уха.

Солдаты в спешке начали наматывать портянки на ноги, обувать кирзовые сапоги и застёгивать ремни поверх гимнастёрки. Они ходили туда-сюда, скрипя досками тщательно намастиченного аж до зеркального блеска пола. Через пять минут все уже стояли, с любопытством разглядывая меня. Я пробежался взглядом по людям. Некоторых раньше видел, некоторых нет. Новенькие, наверное, прибыли вместо погибших в последнем инциденте.

– Чего изволите? – осведомился поручик.

– Побеседовать хочу, – ответил я. – Вон с тем бойцом, и вон с тем.

Мои пальцы указали на двух рослых детин, которые сразу приглянулись. Лица благообразные, но хмурые. Сами ладно скроены. Форма опрятная.

– Где угодно побеседовать?

– В канцелярии, – ответил я.

– Хорошо, ваше высокоблагородие.

– Нет, даже не думайте, Евгений Тимофеевич! – раздался громкий голос со входа, и все повернули головы.

Я не был исключением. Ротный, а это был он, быстро подошёл ко мне и протянул руку, а когда я поприветствовал его рукопожатием, продолжил.

– Никого я вам не отдам. Вот при всём уважении, не отдам.

Я криво ухмыльнулся.

– А чем такой отказ рождён в вашем рассудке?

– Не надо сарказма. Сами знаете, кирасиры – это не просто пехота. Они требуют долгой подготовки. Каждый боец на счету. А я из-за вас серьёзное взыскание от командира получил. К тому же указание пришло из столицы, что в преддверии манёвров никого не выделять. Так что нет.

– Может, передумаете, Семён Николаевич?

Капитан легонько коснулся моего плеча.

– Евгений Тимофеевич, хотите чаю? Или чего-нибудь покрепче?

– Я вас понял. Пожалуй, приму приглашение в другой раз.

– Ну, полноте вам обижаться. Вы взрослый человек, должны понимать. Служба есть служба.

Я усмехнулся.

– Я не обижаюсь. Я лучше пойду. И так много чего случилось.

Ротный облегчённо выдохнул, видимо, настроенный изначально на долгий и упорный разговор, в котором должен был стоять на своём до последнего. Тем более попав между быстрым на кары полковником и тайной канцелярией.

Я ещё раз попрощался и покинул казарму. Быстро и почти незаметно для себя дошёл до электромобиля, где долго сидел, уронив голову на руль. Нет, сегодня явно не мой день. Нужно отоспаться и завтра со свежей головой думать о поисках.

Автомобиль неспешно понёс меня по тем же улочкам, что ранее. Деревянные домики кончились, как и грязная разбитая дорога, сменившаяся брусчаткой. Мелькали люди, мелькали вывески магазинчиков и реклама услуг. Вот только я этого не замечал, тоска по неудачному дню и усталость делали своё дело.

Остановился я только у мясного магазинчика, где имел обыкновение брать горячие колбаски с пылу с жару. Руки сами отключили батарею, подхватили сумку с трофеями.

Я вышел из машины, потянулся, разминая затёкшие мышцы, а потом замер. В ста шагах от меня посередине ули-

цы стоял громила в доспехах ландскнехта. Правой рукой он придерживал двуручный меч, лежащий на плече. Громила удивлённо озирался на вывески, дома и людей.

Попаданец. Голову даю на отсечение. Попаданец.

Я достал из кобуры револьвер и неспешно начал двигаться к нему, спрятав за спину оружие и помня совет Бодрикова.

А детина, видимо, заметил вывеску с булкой и пошёл в пекарню. Пришлось ускорить шаг и тоже нырнуть внутрь, звякнув при этом колокольчиком. Детина осторожно поставил меч у прилавка и снова с подозрением, любопытством и растерянностью начал глядеть. На этот раз на полки со сдобой.

Я уловил испуганный взгляд продавца, быстро достал револьвер так, чтоб бедолага его увидел, и снова убрал за спину. Булочник стоял, замерев и, казалось, не дышал. Я положил в углу сумку и изготовился к неприятностям. Ландскнехты были весьма мрачными личностями. Им человека убить легче лёгкого, а потом они запросто могли ограбить всё заведение.

– Извините, – вдруг заговорил громила с лёгким невычным говором. – У вас по безналу рассчитаться можно? Я наличку дома забыл. А у вас тут кино снимают?

Продавец бросил на меня растерянный взгляд. А я немного бочком, чтоб здоровяк не увидел оружия, подошёл к прилавку, положил свободной рукой несколько монет, какие в кармане попались.

– Мне шесть кренделей с маком и печатный пряник, – буркнул я первое, что в голову пришло, рассматривая при этом попутанца.

Тот вёл себя тихо и прилично, хоть и выглядел хмуро. Продавец, даже не глядя на деньги, положил весь заказ и небольшую корзинку впридачу, а я собрался духом и осторожно начал.

– Вы верно заблудились.

– Да мы с пацанами решили ролевуху забацать. Я искал, где они палатки разбили, немного не там вышел. Вы не подскажите, как к ближайшей остановке пройти? А я ещё сотик потерял, без связи остался.

Я ухмыльнулся. Точно попутанец. Теперь буду объяснять ему про другие миры. Главное, чтоб истерику не начал.

– Знаете, тут такая оказия. Не думаю, что вы обратно вернётесь. Есть теория, что существует множество миров. И между мирами порой происходят случайные перемещения. Я не знаю, как вам объяснить...

Детина молча обвёл взглядом помещение булочной, оглядел с ног до головы меня и хмуро улыбнулся.

– А что, алименты уже можно не платить?

Я опешил от такого вопроса, а потом улыбнулся. Мне начинал нравиться этот парень.

– Наверное, нет. Впрочем, извольте со мной. Я вам всё объясню. Да и у меня к вам столько вопросов...

Глава 4

Прелести попадания

– Вау, чувак! – проголосил детина, когда мы подъехали к усадьбе. – Ты здесь живёшь? Охрененная хата.

Он, открыв рот, разглядывал трёхэтажный особняк. Да, поглядеть было на что. Барон хоть и кричал, что отдал нам свою кровиночку на растерзание, но сам выкупил этот дом за гроши у разорившегося купца. Вернее, купец преставился от лёгочной болезни и почечных резей, а вдова с детьми не смогла потянуть и торговое дело с магазинчиком, и особняк. Барон, пользуясь положением, успел перехватить такой лакомый кусок у других покупателей, а затем провёл ремонт. Собственно, сам ремонт обошёлся впятеро дороже цены дома. И ещё столько же вложили в приборы и принадлежности для поиска. Огромное здание небесно-голубого цвета, что придавало ему лёгкость и воздушность, было отделано белоснежной гипсовой лепниной на столичный манер, а балкон над парадной придерживали два атланта с фиговыми листочками на нужных местах. Крыльцо с фигурными перилами охранялось двумя гипсовыми львами по краям. Слуховое окно чердака было круглым, а под ним горделиво красовался малый герб Российской Империи, тоже гипсовый, но золочёный. Даже караулка выполнена в таком стиле. Малень-

кое помещение стояло справа от больших ворот из фигурно кованного железа с небольшой калиткой. И это была не просто открытая сторожка, а крохотный домик, где обитал весь наряд. Дверь в него выкрашена в широкую чёрную и жёлтую диагональную полосу.

Когда мы подъехали, часовой расторопно открыл ворота и пропустил машину внутрь. Автомобиль я поставил прямо перед крыльцом, и стоило остановиться, как из двери выскочил очередной оператор прибора сыска пробоев.

– Евгений Тимофеевич, пробой был! – заголосил он с порога, а потом замер, уставившись на выходящего из машины ландскнехта, который выше меня на полголовы, а я имел не самый маленький рост со своими ста восьмьюдесятью сантиметрами, как ныне приучались мерить по новой мировой системе мер.

И вдобавок он был вооружён двуручным мечом.

– Знаю, – негромко ответил, подхватив трофеи с дикаря, и направившись к двери, а потом добавил: – Распорядись, пусть горничная подготовит малую гостевую комнату на втором этаже. И извести Алексея Григорьевича, пусть немедля приедет. Скажи, на заморский чай приглашаю.

Попаданец с раскрытым ртом вошёл за мной в дверь, рассматривая лестницу по центру зала со срезными и лакированными деревянными перилами, огромную золочёную люстру с новомодными газоразрядными лампами, большое зеркало на стене, справа от которого стояла гипсовая статуя

обнажённой девы. При виде вошедшего парня у сидевшего за стойкой дневального вытянулось лицо.

– Чувак, я с этим мужиком, – негромко произнёс ряженный у меня за спиной, а он однозначно был ряженный, и тут я не выдержал.

– Послушай, любезный! – начал я, резко развернувшись и повысив голос. – Я не знаю, как у тебя дома, но здесь уж будь любезен обращаться ко мне «ваше высокоблагородие»! Ты понял?! А то я могу тебя в карцер швырнуть! До выяснения!

Попаданец мельком бросил взгляд сначала на сурового дневального, доставшего свой наган, потом на высокого и тощего Дмитрия, сменившего утром Ивана.

– О'кей, ваше высокоблагородие. А это что за конторка? Явно не частная собственность, и не музей.

– Это спецотделение тайной канцелярии, – зло огрызнулся я. – Пройдём, любезный, в мой кабинет.

– Так её же вроде того... упразднили давно, ещё при этом... – он замолчал, словно забыл слово и никак не мог его вспомнить.

Даже нахмурился от натуги. Я смерил взглядом человека с ног до головы и немного сбавил тон, дабы не нагнетать обстановку.

– Это у вас нету, а у нас есть. Специально для таких вот загадочных личностей. Делится на разведку, контрразведку, жандармерию и вот нашу службу.

– Жандармерия – это политическая полиция?

– Да.

– А вы кто?

– Охотники на попаданцев, – ответил я, а потом поправился, – казённое учреждение для сыска личностей и предметов иномирового происхождения. Но в обществе зовёмся охотниками на попаданцев. И между собой тоже. Название удачное.

– А-а-а, – протянул ряженный, – уфологи при ФСБ. Круто!

Я не ответил, лишь развернулся и неспешно начал подниматься по лестнице, слушая чужие шаги за спиной. Нет, я не боялся, что он кинется на меня или сбежит. Если бы хотел это сделать, то уже попытался бы в машине или в магазинчике. Попытался бы, и получил пулю. Просто я хотел понять, что это за человек. Первое впечатление говорило, что он недворянского происхождения, но и не из самых низов, скорее всего, из среднего мещанства. Судя по тому, как вглядывался в надписи на торговых рядах и в афишу театра, читать умел. Причём наше письмо не сильно отличается от его родного. Свою историю знает. Имеет широкий круг друзей, так как с людьми сходится легко. Не озлобленный жизнью, и не ждёт от всех подвоха.

Пока шли, он деликатно пропустил горничную со стопкой постельного белья, а потом коротко проводил её взглядом, не обойдя вниманием женские прелести. Это тоже о многом говорит.

Когда зашли в кабинет, он замер, разглядывая многочис-

ленные клинки и картину.

– Круто, чу... ваше высокоблагородие, – промолвил он поправившись. – А это, типа, на Байкале? Я туда в отпуск летал. Руин только не помню.

– Летал? – нарочито небрежно спросил я и якобы ненароком потянулся за записной книжкой.

– Да, – ответил тот, – на этом...

Он замер с полуоткрытым ртом, уставившись в пространство перед собой, а потом поднял взгляд на меня.

– Я не помню. Представьте, я не помню.

– Что не помнишь?

– На чём летал.

Попаданец ошарашенно развёл в разные стороны руки, изображая крылья, и так простоял почти минуту. А я тоскливо вздохнул. И как не затосковать, раз и этот пришлый всё начал забывать. А ведь я тоже через такое проходил. Скоро от его прошлой жизни останется только смутная тень, скрашенная разве самыми яркими впечатлениями. Она станет подобной прошедшему сну после пробуждения, когда приходится долго мучить себя попытками вспомнить, а порой случайное событие вырывает из этого морока целый ворох образов и эмоций. Но у меня параллельное прошлое ушло в туман за неделю, а тут всё гораздо быстрее и сильнее. Я-то помнил свою жизнь достаточно полно, но она словно отдалась на полвека назад. Но я вообще особый попаданец. А ещё мне было жалко этого громилу, готового впасть в уны-

ние.

– Я ведь летал, и не помню, – пробубнил он. – Пипец какой-то.

– Ты был пилотом аэроплана? – тихо спросил я, пристально вглядываясь в лицо пришлого.

Каждое его слово было бесценно.

– Нет, что ты, – ответил он, а я пропустил мимо ушей фамильярность в обращении. Не время для ругани сейчас. – Он здоровый был, как хрен знает что, блестящий, гудит. Это я помню. И летело нас очень много. Около четырёх сотен. Помню облака далеко внизу.

– Хорошо, – со вздохом произнёс я, опускаясь в кресло, – присаживайся. Тебя как зовут?

– Сашка. То есть Александр Никитин, ваше высокоблагородие, – медленно выдавил из себя человек. Он стал совсем хмурый, после чего задал вопрос, мучивший его всё это время. – Я всё забуду? Стану, как старый маразматик?

– Нет, не всё. Близких родственников и хороших друзей ты помнить будешь. Не забудешь речь и письмо. Не забудешь увлечения и то, что делал своими руками по чину и должности. Руки вообще ничего не забудут. И, собственно, ты не забудешь ничего окончательно и насовсем. Стоит тебе встретить что-нибудь из прежней жизни или похожее на оное, как воспоминания нагрянут целым водопадом. Поэтому береги старые вещи. Если они не представляют ценности для нашей науки, их тебе оставят. И не унывай.

– Да, наверное, – грустно согласился Сашка.

Я посмотрел на развешенные на стене клинки, особенно выделяя из них один, на картину с морем между ними, на ажурно вырезанный герб рода, висящий над входом. Я каждый день глядел на них, они были частью моих воспоминаний.

Дверь открылась, и в неё вошёл профессор Крылкин.

– А, – вставая с места, воскликнул я, – заходите, Алексей Григорьевич! Мы вас ждём!

Профессор пригладил бородку клинышком и быстро пошёл к нам, глядя что на меня, что на попаданца снизу вверх.

– Замечательно! – воскликнуло светило нашей науки, поправив старомодное пенсне и взяв человека за руки.

Он покрутил его ладони то вверх, то вниз. А потом, промолвив: «Нагнитесь», рассмотрел лицо, даже пощупав скулы и челюсть сухими пальцами. Я наблюдал за этими манипуляциями молча. Профессор был очень увлечённой личностью, но дело своё знал.

– Он понимает по-нашему?

– Да.

– Изумительно! – возбуждённо повысил голос профессор, старательно выговаривая и вытягивая слова, но при этом жутко картавя. – Вы его к нам в лечебницу опьеделите?

Крылкин замер, пристально глядя на меня в ожидании ответа.

Я окинул взглядом пришлого. Несмотря на то, что он

пришлый из весьма развитого общества, образ диковатого ландскнехта ему удался на славу. А если нахмурится, то действительно будет диковато выглядеть. И собственно, что я теряю?

– Нет. Я его у себя оставляю.

– Не язумно, – тут же ответил доктор, – он из дикого мия. Там у них до сих пой шестнадцатый – семнадцатый век. Лютое позднее съедневековье, мякобесие беззаконности и елигиозный фанатизм.

– Ваще-та, – произнёс Сашка, – двадцать первый век.

– Изумительно! – воскликнул профессор, – На Луну уже летали?

Сашка нахмурился, вспоминая, а потом просиял.

– Да, истоптали всю, – вымолвил он, заставив меня вскинуть от удивления брови. – Только я не помню, как, – сразу добавил ложку дёгтя парень.

Профессор покачал головой.

– Попаданческая амнезия. Не стьяшно. Я вас увеяю. Но хочу пьедостеречь от выпивки на ближайшие несколько недель. Не хотите забыть всё насовсем, не пейте.

Парень тут же быстро закивал головой, а я усмехнулся. Помнится, я первые три дня вообще из попойки не выполнял, такая каша в голове была.

– И ещё, – продолжил профессор, – запаситесь носовыми платками.

– Зачем?

– Вы пейвое вѣмя сильно болеть будете. Ваше тело будет пйивыкать к нашему мию. Сопли, слезотечения, жай, кашель, понос. Полный букет.

– А я вас не заражу ничем? – поинтересовался парень, исподлбья глянув на светило науки, что при их разнице в росте было забавно.

– Нет. Ваши болезни ослабли сейчас настолько, что ваше тело само их победит. А нам они не будут стьяшными. Вы не пьедставляете, как мы пеѣживали по этому поводу в самом начале, но за десятилетия статистики накопились тысячи случаев, и ни одного заѣжания. Видно, Господь беѣжѣт нас.

– Я все забуду? – снова задал свой вопрос парень, но обращаясь на этот раз к профессору.

– Молодой человек, – закряхтел сухенький ученый и деловито, словно готовясь оседлать любимого конька на лекции, приправил пенсне, – есть такие понятия, как эфийная оболочка и иносфея. Пьоцесс памяти и сознания – это не только химия в вашей голове, но еще и физика вне ее. Откуда, по-вашему, яждаются все озаения, пьедсказания и таблицы химических элементов? Откуда беются способности пьовидцев и пьойицателей? Только ли из снов? Пйи пьоходе между миями эфийная облачка оказывается язойванной в клочья и отъезанной от ѣдной иносфеты.

– Иносфера, эфирная оболочка? – вяло переспросил Александр, – биополе и коллективное неосознанное?

– Да? У вас это тоже известно? – осведомился профессор, – Ну да ладно. В целом вы должны понять. Пъйи пееходе остается только химия в вашей голове, потому и память сводится к смутным далеким обязательствам.

Александр пожал плечами. Ничего, свыкнется.

Профессор ещё покудахтал о своих чаяниях, а потом мы учинили Сашке допрос. И вот что смогли уяснить. Парню было двадцать пять лет. Работал продавцом каких-то вещей, которых в нашем мире не было, но вспомнить, что именно он продавал, уже не смог, всё только руками показывал, словно на печатной машинке работал. В свободное время баловался на природе переодеваниями. Там он с товарищами готовил мясо на огне, рассказывал байки, учился фехтованию. В разводе. Жену с дочерью, мать с отцом, брата и около десятка друзей помнил хорошо. Жил на съёмной квартире-клетушке один, постоянной сударыни не имел, ограничиваясь лёгкими интрижками, относился к сему предосудительно ветрено, хотя для его мира это было в порядке вещей.

Из полезного узнали о быте. И хотя технических подробностей он не смог указать, само упоминание того, что данные вещи используются в обиходе даже у небогатых людей, давало почву для размышлений. Микроволновые печи, автоматические прачечные, те самые вещи, которые он продавал, и многое другое. Впрочем, прачечными никого не удивишь. Они у нас тоже начинают входить в обиход. А вот при досмотре мы изъяли у него любопытнейшую шариковую руч-

ку. Я думаю, барон её срочно запатентует и начнёт делать на продажу через подставных лиц, как это случилось с осветительными газоразрядными лампами. Собственно, у нас за счёт завода как раз и не было проблем с этими осветителями. А ещё изъяли десяток разноцветных твёрдых карточек. Александр их назвал дисконтными, выделив среди них одну – кредитную.

– Ну что ж, – произнёс я после двух часов допроса. – Обрадую тебя. Попрошу моего начальника – барона Бодрикова, чтоб тебе сделали паспорт и определили ко мне на службу. Будешь числиться адъютантом-телохранителем. Жалование буду начислять по чину коллежского регистратора.

Я запнулся, увидев непонимание в глазах Никитина, и пояснил:

– Это статский чин, приравненный к прапорщику в войсках.

– Вы йискуете, Евгений Тимофеевич, – осторожно подал голос картавый профессор.

– Чем? – ухмыльнулся я. – Что он украдёт тайны о попанцах? Он сам один из них. Или, может быть, он личность, имеющая связи с неблагонадёжными людьми? С его прошлым в любом случае порвано окончательно и бесповоротно. К тому же, после того случая в отряд пойдут с большой неохотой. А я не хочу просить у барона повышать оклад до небес. А так, у него нет выбора. Либо ваша психлечебница с перспективой лоботомии, либо вечный карцер.

– Какого случая? – тихо спросил Никитин, забежав глазами.

– Взорвали мой отряд террористы. Вот новый набираю, – небрежно отмахнулся я, поглядев при этом на револьвер, лежащий на столе.

Если начнётся паника, и парень вздумает схватить оружие, то его ждёт разочарование. Он не заряженный, в отличие от спрятанного у меня в кармане.

Парень сник. Да, гадостная перспектива. Из петли да под расстрел.

Он помолчал, опустил голову, а потом произнёс.

– Я не умею стрелять.

– Научу. Это как раз таки не сложно. С вашего позволения, Алексей Григорьевич, я откланяюсь. Покажу моему новому сотруднику жильё и прочее.

Профессор улыбнулся, пообещал наведаться почаще и вышел, а я повёл Сашку к его комнатухе. А там уже стояли две горничные Даша и Глаша – сёстры-близняшки, повариха Маша – дочка Старого, оператор Дмитрий и связистка Надя. Всем охота было посмотреть на такого колоритного гостя. Девушки при этом перешёптывались и хихикали.

– Вот, размещайся, – произнёс я, заведя Сашку в комнату.

Она была небольшой, всего пять метров в глубину и два с половиной в ширину, с узким высоким окном, широким и оттого похожим на стол подоконником, небольшим шкафом,

столом-партой и кроватью. Зато потолки высоченные, больше трёх метров, что визуально придавало комнате простору. На кровати лежало бельё и новая одежда – штаны-галифе, светлая гимнастёрка, ремень, полевая фуражка с лакированным козырьком, нательная рубаша и подштанники, а также пара новеньких юфтевых сапог и портянки. Там же была и шинель из хорошего сукна.

– Переодевайся. Я не стал мудрить и попросил у кирасиров один комплект формы. Носить будешь без знаков различия полка. Как заработаешь, купишь себе статское, но сначала со мной посоветуйся, а то будешь как шут гороховый.

– Спасибо, – немного озадаченно произнёс Сашка и начал снимать с себя костюм ряженого ландскнехта, очень осторожно положив его на кровать.

Меч уже стоял в углу у шкафа.

Я деликатно отвернулся и прикрыл дверь, а то девки стыд потеряли, в щёлочку подглядывать вздумали. Они, видно, думают, что мужик из другого мира чем-то отличается от нашего. Да ни капельки.

Когда Никитин переоделся, я повёл его в столовую. Идти пришлось опять через большой зал.

– Ух ты, прикольная статуя! – вырвалось у парня, когда он увидел у двери в прихожей большую, закованную в броню фигуру. – Это нечто среднее между вахой и старкрафтом, только в стиле стимпанк.

Я не понял, про что он сказал, но когда кирасир в чине

младшего унтер-офицера поднял голову в шлеме, то крик: «Охренеть! Он настоящий!» ударил по ушам и заставил поморщиться.

Кирасир снял шлем, зыркнул на попаданца, как на умаишённного, и начал доклад.

– Ваше высокоблагородие, ротный приказал вам доставить.

Унтер махнул рукой и зычно окликнул кого-то, и вскоре ещё два кирасира внесли здоровенный ящик, опечатанный свинцовыми пломбами на проволоке.

– Что там?

– Не могу знать, но что-то тяжёлое и ценное, раз с караулом доставили.

Я кивнул, принимая к сведению эту информацию и глядя одновременно на Никитина, который с детским восторгом подошёл к кирасиру и стал чуть ли не в рот заглядывать. Особенно его привели в восторг эмблема, присваиваемая отличившимся ударно-штурмовым подразделениям в виде белого черепа с перекрещёнными костями на чёрном фоне, нарисованная на левой стороне нагрудника, и небольшая надпись сбоку на ранце: «Осторожно! Сильный электрический ток!»

Что примечательно, Никитин был вровень с унтер-офицером, тоже не маленьким, между прочим, парнем.

– Александр! – повысил я голос, – вам не подобает так прыгать. Не уподобляйтесь дикарю. Ещё посмотритесь, обе-

щаю.

Мои слова хоть и возымели результат, но всё же не окончательный, ибо парень таращился на кирасира с тем же детским восторгом, получая полный недоумения взгляд в ответ. Впрочем, сам по первости, помнится, стоял истуканом разинув рот, у пыхающего белыми клубами пара броненосного крейсера, пришвартованного напротив Адмиралтейских верфей в столице империи.

– Евгений Тимофеевич, – раздался голос связистки, развеяв мои размышления, – вам только что Бодриков звонил, просил передать, что нашёл вам особливую барышню...

Глава 5

Провидица

– А куда поедешь, ваше высокородие? – спросил Никитин, когда кирасиры вышли из зала.

Он быстро глянул в окно, расположенное в стороне от двери, увидев там большой паровой трактор, к которому цеплялась телега. В оную солдаты заскочили, свесив с борта ноги, как деревенские жители, возвращающиеся с покоса, разве что сена или дров не хватало, а сам трактор с телегой был выкрашен в цвет хаки.

Я не ответил ему, оставив разъяснения напоследок.

– Охренеть, трактор на угле, – снова протянул он, прилипнув к маленьким стеклянным квадратикам, встроенным в мелкую решётку окна.

– На теплороде, – протянул я, поясняя сей вопрос и присев перед ящиком.

Пломбы стояли на том заводские.

– Так его же не существует, – повернувшись ко мне, произнёс Сашка.

– Это у вас его нет, – спокойно ответил я, взявшись за проволоку и начав её мочалить в пальцах, чтоб сломалась. Я не удивился вопросу, так как в моём родном мире, то есть мире моего альтер эго его тоже не было. – А у нас есть.

Пломба отлетела, и я поднял крышку, почуяв склонившегося рядом здоровяка. Внутри лежало шесть больших серых коробок, сделанных из алюминия и вытянутых в высоту. От этого они немного походили на спичечные коробки, поставленные на торец. При тех же пропорциях приборы были в локоть высотой. Всего их оказалось шесть. Каждый весил по пять килограмм минимум. На верхней части располагались небольшие круговые переключатели с цифрами. Там же находилась обыкновенная телефонная трубка на витом шнуре, разве что маленькие защёлки не давали ей упасть при транспортировке. А ещё на них были петли для лямок от ранца для удобной переноски. Лямки сейчас лежали отдельно, свёрнутые в уголке. Командиры батальонов и штурмовых рот, а также важные чиновники и богатые купцы всегда брали с собой плечистого молодца, дабы самим не утруждаться тяжестью. За теми парнями со временем приклеилось звучное прозвище «радилки».

– Радиостанции? – переспросил Никитин, а потом вздохнул.

Его непосредственность и нетактичность слегка нервировали.

– Не совсем. На, почитай.

Я протянул одну из книжиц, прилагающихся к приборам, на обложке которых изображалась эфирная антенна и тиснёное название: «Адресный прибор кодовой передачи эфирных волн».

Сашка открыл и быстро пролистал книжицу.

– Ламповый сотовый, – усмехнулся попаданец, – а мне здесь начинает нравиться. Просто звонилка без номеров в памяти, но всё равно круто.

– У вас сотовые тоже есть? – не поворачиваясь, спросил я, а потом потянулся за ещё одним прибором, отличавшимся от остальных.

При всём этом я ловил каждое его слово.

– Угу. Только у нас маленькие. Я не помню подробностей, но вот в ладошке точно размещались. Это чётко помню, – ответил Сашка, повернув левую ладонь и положив на неё закрытую книжицу.

При этом он водил по обложке пальцем так, словно размазывал масляную кляксу или пытался стереть букву. Он нахмурился, прикусил губу, явно пытаясь вспомнить подробности, и так же явно без результатов, но потом приободрился духом, и скорее всего не от прибора, а оттого, что утраченное воспоминание вернулось при встрече со знакомой вещью. Пусть не полностью, но вернулось.

– У нас они два года как пошли. А пятью годами ранее нашли простенькое устройство из вашего мира. При пробое ваши мелкосхемы выгорают, так что над проблемой уже давно и безрезультатно бьются инженеры и учёные. Максимум, что мы смогли собрать – это лампы и реле, но реле громоздкие. Лампы лучше. Тем более нам попался прибор с лампами. С очень совершенными лампами. У вас таких нет. Он

был из смежного с вами мира. Но нам пришлось перенять именно их. Мы взяли концепцию двоичных ячеек связи и создали на лампах. Так проще. И наша промышленность была в состоянии произвести их почти сразу. Пусть не так много, как хотелось, но достаточно для того, чтоб начать оснащать полицию и армию, хотя бы одну на линейный батальон. И продавать состоятельным гражданам. Это военные модели. Ударопрочные, с более мощной батареей.

Я поглядел на весь этот большой ящик, а потом с лёгким недовольством на высокого, но щуплого оператора пробоя. Не потянет. После сего глянул на Никитина.

– Со мной поедешь. Буду тебя к нашему обществу приучать.

– Как собачку выгуливать?

– Нет. Делать из тебя боевого связиста-гренадёра. Всё, тащи вот этот и вот этот приборы в автомобиль, я пока подробности у барона узнаю...

* * *

Анна смотрела в окно, опершись прямыми руками в широкий подоконник. Если ещё чуть-чуть податься вперёд, то можно вообще подогнуть ноги и поболтать ими в воздухе. И хотя это весьма неприлично, она с удовольствием так сделала бы, будь наедине с собой.

А за окном промчался по брусчатке электрический эки-

паж-автомобиль, шурша высокими колёсами, расплёскивая брызги осеннего дождя по мостовой. Он проехал до конца улицы, а потом вернулся и остановился у парадных ворот. Жухлые листья, прилипшие к округлым булыжникам, трепетали на ветру, печалась о тех временах, когда они были зелены и полны жизни.

Анна с тоской вглядывалась в серый вид за стеклом, вспоминая с грустью о тех временах, когда жила в Петербурге. Лишь такими пасмурными вечерами Новообск был похож на столицу Российской Империи, где она родилась и выросла, пребывая нынче в дальней губернии необъятной отчизны.

– Аннушка, – раздался за спиной девушки звонкий голос её подруги, – хватит печалиться в окно. Нам уже через четверть часа на лекции должно быть. Господин Белужский ругаться будет, если опоздаем.

За спиной девушки послышался скрип петель шкафа, шуршание одежды и шелест тетрадных листов.

– Лиза, иду, – ответила Анна, не отрывая глаз от пейзажа за окном, наблюдая, как автомобиль остановился и из него вышел высокий мужчина лет тридцати в котелке, чёрном двубортном пальто и с зонтом в руках, упрятанных в чёрные же перчатки.

Мужчина подождал, пока из машины не появится здоровенный парень в серой солдатской шинели. Парень вытащил из салона большой эфирный передатчик, закинув лямку на правое плечо, придерживая рукой.

Мужчина pokrutyл рукоятки, снял с коробки передатчика трубку и приложил к уху. Что он мог сказать? В сущности, что угодно. Конечно же, первая фраза была чем-то навроде «Барышня, дайте мне Евлампии Семёновну Трутскую». Умная машина по эфирной волне передала слова на комму-татор, и телефонистка вызвала нужного человека. Впрочем, неважно. Господин разложил зонт и пошёл к воротам, не переставая разговаривать. Уже перед самыми воротами он развернулся и стал что-то недолго растолковывать помощнику.

Дворник Артемий, поклонившись в пояс, открыл калитку служебного входа в институт благородных девиц и предложил господину помочь с небольшим зонтом, дабы сопроводить до парадной двери в надежде, что его скромный труд оправдается хоть малой монетой, но важный мужчина даже не повернул голову к старому пропойце. Дворник дождался, когда господин с помощником отойдут подальше, а потом плюнул вслед, не опасаясь оплеухи и разносу.

– Аннушка, – снова окликнула девушку Елизавета, – я без тебя пошла.

Лиза подхватила небольшую сумку и умчалась, хлопнув дверью. И Анна, печально вздохнув, открыла нараспашку окно, в которое сразу залетело три больших бабочки. Порхающие насекомые слегка светились, но Анна как-то раз обмолвилась о таких же, и ей не поверили. Они вообще не увидели бабочек. Анна тогда зареклась рассказывать о таких мелочах, списывая на своё воображение.

Девушка с печальной улыбкой подняла руку, едва не коснувшись полыхающего небесно-голубым создания, а потом пошла за подругой, подобрав пару тетрадей и самописное перо, подаренное ей на день рождения одним кадетом, с которым она переписывалась ранее, и от которого уже год не было ни слуху ни духу. Анна как-то сразу поняла, что у него завелась девушка из близкого окружения, и на переписку не осталось ни времени, ни желания. Откуда возникала такая уверенность, она и сама не ведала, а вот о чём ведала, так это о том, что сейчас не хотела идти на занятие.

Длинные, хорошо освещённые коридоры с множеством дверей и высокими окнами в два света быстро промелькнули перед её невнимательным взглядом. Лишь однажды девушка остановилась перед большим зеркалом. На какое-то мгновение показалось, что там отразилась не Анна, а совсем другая. Она тоже была невысокого роста и светловолоса. Она выглядела почти так же, как и Анна, но всё же отличалась. Отличалась какой-то хмуростью во взгляде, страданием, какое мало кому выпадает. Даже показалось, что отражение сейчас выйдет из стекла и заговорит, предостерегая о будущем, или вцепится в руку, попытавшись утащить в зазеркалье, но через секунду наваждение пропало, и Анна вновь бежала по коридорам, выбросив из головы эту иллюзию.

Лекционный зал впустил её шумом девичьих голосов институток, готовящихся к речи преподавателя. Одни раскладывали тетради, другие обсуждали вчерашний день и это

утро, столь же непримечательное, как и все до этого.

Анна села за свою парту в тот самый момент, когда по коридорам пронёсся дребезжащий звон механического колокольчика, призывающего к началу учебной пары. Сегодня первым стояло богословие, которое обычно вёл отец Фёдор, добродушный и пожилой человек. Но на этот раз в зал вошёл не только он. С ним появился тот самый высокий строгий мужчина, что приехал на электрическом автомобиле. Мужчина был, на взгляд Аннушки, достаточно красив. Немного подзагорелое правильное лицо с прямым носом и тонкими губами, соломенные волосы, голубые глаза и некая отчуждённость. Военная выправка соседствовала с цепким взглядом. А ещё в двери стоял высокий рыжий и веснушчатый солдат с носом-картошкой и тяжёлым подбородком, но при этом по-детски добродушной улыбкой. Отец Фёдор нервно косился на господина в чёрном сюртуке и откладывал начало лекциона, а меж девиц прошёлся шепоток.

– Лиза, – тихо позвала Анна свою подругу, сидящую на соседней парте, – я ничего не пропустила? Ничего не говорили про этого господина?

– Нет, – шёпотом ответила та.

Меж тем незнакомец достал из кармана небольшую записную книжку с золочёным переплётом и раскрыл на середине, а потом сделал поворот к помощнику, негромко сказав: «Жми вот эту красную». После господин внимательно и сосредоточенно уставился в зал, разглядывая каждую девицу с

таким видом, словно выбирал рыбу на леднике у торговцев, мол, свежая, или протухла, на сколько фунтов весом будет, стыдно ли её подавать ко столу или нет.

Аннушка почувствовала, как в глазах возникла странная резь, отчего сами собой побежали слёзы.

Кто-то со стоном упал на проход из-за задней парты.

– Лекаря! – раздался крик. – Сонечке Разумовской дурно.

В зале поднялся шум, но Аннушка не в силах была отвернуться от господ. Ей даже казалось, что воздух наполнился не то тополиным пухом, не то снежной пылью.

– Тишину, барышни! – заговорил отец Фёдор, как всегда, называя подопечных по-светски барышнями, сударынями или девицами вместо «дочери мои», как полагалось. – Соблюдайте тишину! Лекарь сейчас будет.

Вскорости всё закончилось, и Анна вытерла слёзы, успев заметить, что тихий господин быстро чиркнул грифелем в своей книжке и вышел, пропустив в зал невысокого толстого доктора Гарлика и графиню Санникову, которая шефствовала над институтом, даму статную и всегда суровую лицом в свои сорок два года, и откровенно говоря, стервозную нравом. Доктор привёл Разумовскую в чувство, дав нюхнуть нашатыря, а потом деликатно помог подняться и сесть на своё место.

– Занятия на сегодня отменяются, – громко и властно произнесла графиня, – всем воспитанницам срочно надлежит убыть по своим комнатам. Покидать здание института стро-

жайше запрещаю, кто посмеет послушаться, исключу, невзирая на титулы и заслуги!

– Пойдём быстрее, Аннушка, – позвала Лиза, – а то опять тебя ждать, копуша.

– Это ты всегда торопишься, – тихо огрызнулась Анна. – За тобой не то что мне не угнаться, но и всем остальным.

– А что ждать-то?

– Ну разве не интересно, что это за господин, и чего ему нужно было?

– Ну, был и был. Так надо, видимо, – картинно закатив глаза, ответила Лиза.

– И Соня тоже просто так упала? – не унималась Анна.

– Переволновалась поди. Она вечно мнит, что папенька её решил забрать домой. Вот наверняка и сейчас могла подумать, что человек от батюшки за ней пришёл, а там прощай институт и срочно замуж за первого встречного. Он у неё самодур и хочет в кратчайшие сроки наследника, которому мог бы передать свою захудалую факторию. Матушки-то у ней нету, преставилась в позапрошлом году, когда паровоз с рельсов сошёл. Ну, ты помнишь.

– Не похоже.

– Да не всё ли равно? – снова затараторила Лиза. – Пойдём.

Она схватила Анну за руку и потащила шумными коридорами, которыми они час назад шли на занятие, мимо высоких окон в два света, кадушек с заморскими пальмами и

многочисленных портретов маслом и светописью. Среди них особо выделялась императорская чета. Император Михаил Александрович, принявший трон после внезапной кончины своего брата Николая, по-отечески строго взирал на своих подданных, а императрица старательно изображала улыбку Джоконды.

Корпус с жилыми номерами соединялся застеклёнными переходами с остальными зданиями, отчего не имелось нужды выбегать на улицу и мокнуть под серым дождём. Институт был престижным заведением, и на него выделялись из казны довольно большие суммы для обустройства и обучения тех, кто по табелю имел право на бесплатное место. Те, кто занимались за свой счёт, платили немало, но зато родители девушек могли быть уверены в хорошем образовании и воспитании своих чад, что гарантировало при дополнительных вложениях недурную работу, например, при губернаторской резиденции, или удачную партию в браке.

Анна с подругой быстро вошли в комнату, и Лиза, едва сбросив туфли на низком каблуке, которые по уставу заведения носили все барышни, сразу подскочила к настольной электрической счётно-связной машине. Лиза была из богатой семьи, и её отец мог позволить купить такую.

– Николаша письмецо прислал, – радостно воскликнула она, а потом нажала клавишу, отчего устройство, похожее на электрическую печатную машинку, и стоящее рядом с гудящим логическими лампами громоздким вычислителем, на-

чало стучать рычажками по серо-жёлтой бумажной ленте, оставляя на той тёмно-синие буквы.

Прочитав через плечо заголовок «Дражайшая моя Елизавета», Анна, не раздеваясь, легла на заправленную кровать, подложив руки под голову.

Загадочно всё это, думалось ей, и господин этот, и обморок Сонечки. Она, конечно, была замкнута, но малахольной никогда, наоборот, всегда настроена по-боевому.

Внезапно в дверь постучали. Анна глянула на Лизу, не обращавшую внимания решительно ни на что, даже если в неё воткнуть швейную иглу, а потом вздохнула и встала, поправив кровать и серое уставное платье с белым передником.

– Не заперто!

Дверь отворилась и в комнатушку зашла графиня Санникова собственной персоной, а за ней проследовал тот самый мужчина из прерванного лекциона.

– Ваше сиятельство, – поприветствовали знатную особу лёгким приседом девушки, при этом Лиза старалась заслонить собой печатающую машинку, всё ещё отбивающую текст.

Но графиня лишь слегка озабоченно смерила девушку взглядом, а потом пытливо уставилась на Анну.

Слово взял её странный компаньон, обратившись к соседке. Он прищурился и, прежде чем заговорить, стал в упор разглядывать девушку, отчего ей сделалось не по себе. Казалось, он мог видеть сокрытое. Казалось, он обладал какой-то

сверхъестественной силой и мог повелевать ей. Голос у мужчины был сильный, хотя говорил он негромко. Такой если грозно рявкнет, то мало не покажется.

Анна исподлобья смотрела на господина в ответ, и перед её взглядом почему-то на секунду мимолётным морозом встал какой-то азиат, не то калмык, не то киргиз. И едва слышное эхо громкого крика: «Пшли вон!».

Странно это.

– Сударыня, я был бы признателен, если вы оставите нас наедине, – обратился он к смущённой до неприличия Лизе.

Та поджала губы и бросила взгляд на аппарат, с которого свисала длинная лента печатного письма.

– Сударыня, – продолжил господин с улыбкой, – я уверяю вас, что умею хранить секреты.

Графиня зло стрельнула на подопечную взглядом, и та выскочила, побледнев и даже не обувшись.

– Ваше сиятельство, я вас тоже нижайше прошу удалиться, – с почтительным наклоном головы произнёс странный человек.

– Хорошо, – ответила Санникова, с явным недовольством повернувшись к двери.

Когда она вышла, господин присел на стул и жестом предложил Анне сделать то же самое. Но девушка опустилась на край кровати, а не на стул, не желая идти на уступку, но всё же придя к некоторому компромиссу с вежливостью. Почему-то это ей показалось важным.

– Анна Дмитриевна Кукушкина, – начал тот официальным тоном, – поправьте меня, если буду ошибаться. Двадцать один год. Дочь Дмитрия Семёновича Кукушкина, инженера-мостостроителя, и Марии Карповны Кукушкиной, урождённой Баковской. Матушка ваша, к сожалению и пригорюнию, покинула наш мир, скончавшись от простудной лихорадки пять лет назад. С батюшкой вы не общаетесь, так как он давно разошёлся с вашей тогда ещё живой матушкой. Вам три года в ту пору, если не ошибаюсь, было. Единственное, что он делает, так это регулярно пересылает небольшие денежные средства на разные расходы. Занимаетесь вы прилежно на пятом году обучения, не имея плохих баллов. Через неделю выпуск. Есть отметка, что хотите устроиться по окончании заведения в инженерную контору, так как вычислительную машину освоили, и можете без проблем набирать тексты в устройства памяти, проводить различные расчёты посредством ламповой машины. Даже можете провести простейший ремонт.

Он замолчал, выжидающе глядя на Анну, но девушка только хмуро паялилась в ответ.

– Скучное видится будущее, – продолжил мужчина, не дождавшись ответа. – Маленькая квартирка с одиноким котом, скромное жалование, с которого вы толком не сможете откладывать сбережения, поздний брак с нелюбимым человеком, за коего выскочите, боясь встретить одинокую старость, и вцепитесь в бедолагу, как в спасательный круг.

Гость поднял бровь.

– А не хотите ли что-то поинтереснее?

– Вы кто? – строго спросила Анна, поступив, как не подобает воспитаннице института благородных девиц, не отводила взгляда от спрятавшегося за маской неспешной любезности дикого и яростного зверя.

Ей казалось, что глаза человека вот-вот превратятся в жёлтые, волчьи. В нем чуялось что-то чуждое этому миру.

– Коллежский ассессор Тернский Евгений Тимофеевич. Я из тайной канцелярии его императорского величества.

– Шпионкой... хотите сделать? – слегка заикнувшись от растерянности, спросила Анна.

– Да Бог с вами, сударыня. Всё куда проще и интереснее.

Не спрашивая разрешения, Тернский достал небольшую газоразрядную лампу. Лампа была полностью прозрачна, как больничная, разве что в стекло впаяна тонкая, как паутинка, серебристая проволочка, опутывающая пустоту по частой спирали. Господин поднял лампу, словно кулон на цепочке. Вот только по стенкам лампы изнутри прыгал крохотный, прозрачный, как клоч тумана, лягушонок, которому нитками пришили мышинные ушки и хвост. Лягушонок быстро-быстро моргал чёрными глазками и искал выход.

– Что вы видите?

– То, что вы животину мучаете и уродуете.

– Никого я не мучаю. Он такой и есть, – улыбнулся господин.

– Таких не бывает.

– Бывает. Этот мелкий таёжный дух называется леснянкой. Он совершенно безвредный, – ответил господин и тут же перевёл тему разговора в другое русло. – Вы ведь созерцаете порой то, что недоступно другим. Вас матушка-природа наградила весьма специфическим талантом видеть потусторонний мир, и мы хотим предложить работу, связанную с вашим даром. У вас будет время подумать над соглашением до самого окончания обучения в институте, то есть, целая неделя. Соответствующая рекомендация будет выслана, и вот, – господин из тайной канцелярии протянул небольшой листок, – мой личный номер телефона и дополнительное кодовое слово для связи.

Девушка сжала листик в руках и задумалась. Ей было бо-язно и интересно в одно и то же мгновение. Перед глазами стоял опостылевший институт, тусклая перспектива обивания порогов столичных учреждений. По щеке пробежала несуществующая слеза одиночества и оборванных мечтаний и тень сумасшедшего дома.

– Я подумаю, – ответила она, отвернувшись от господина.

Взгляд её упал на Лизино зеркало, стоящее на подставочке рядом со связной машиной. В зеркале едва заметным бликом промелькнула большая чёрная ворона, быстро сменившаяся сперва рыцарем в сияющих доспехах, потом десятком дикарей с ружьями и в расписных масках, и наконец, едва уловимым заревом пылающего города.

Анна тряхнула головой, отгоняя видения, и посмотрела на господина Тернского.

– А что такое идемони? – неожиданно для самой себя спросила она.

Господин вздрогнул, а потом его губы медленно растянулись в улыбке. От этого он стал похож на охотника, выследившего богатую дичь.

– Вы приходите, – тепло произнёс Тернский, вставая со стула. – Я вас очень сильно буду ждать.

Глава 6

Лекарь

– Вау, холодильник! – раздался голос из кухни, когда я проходил мимо той.

Голос был настолько восхищённым, что я не удержался и тихонько зашёл осведомиться о причинах восторга в эту обитель кастрюль, огня и воды.

– Сашка! – разнёсся в ответ возмущённый возглас Маши-поварихи.

Наш попаданец за простоту неунывающего нрава и доброту сразу понравился всем девчонкам, начиная с горничных и заканчивая связисткой. А уж про широту плеч и вообще можно было молчать, она приводила девушек в полнейший восторг, заставляя барышень млеть при встрече и улыбаться вслед. И мне даже было немного ревностно.

– Твоё блохородие! Закрой рефрижератор! – продолжила возмущения стряпуха, хлопнув ладонью по столу.

Парень уже третий день осваивался в нашем мире и успел залезть почти в каждую щёлочку, сверяя наш мир со своим и пытаясь восстановить память. Что-то удавалось, что-то нет. Вот давеча выклянчил у меня деньги на простенький эфирный приёмник и слушал новостные сообщения, музыку, радиопостановки и рекламные объявления.

Я встал в дверном проёме, молча улыбаясь и наблюдая за этой забавной сценой. Парень сидел на корточках у открытого морозильного шкафа и вглядывался в содержимое, в то время как Маша резала овощи, звонко отстукивая кухонный ритм о деревянную разделочную доску.

– А что сразу блохородие? – отозвался Никитин, достав из рефрижератора небольшую колбаску и сразу откусив от неё солидный кусок.

– А то, что ты завтрак Евгения Тимофеевича трескаешь.

– Тут этих закусок дохрена и больше. Он даже не узнает, – отмахнулся Никитин, дальше приступив к осмотру рефрижератора.

Вместо ответа Маша прекратила резать морковь и начала тарабанить ногтями по столу, давая ехидную улыбку.

– Что? – повернулся к ней Сашка, почуяв подвох.

А когда увидел, что девушка остриём ножа указала на дверь, то тяжело вздохнул и встал, изображая скорбную физиономию. Мол, я не виноват, колбаска сама напросилась.

– Я с этой... как её там... пенсии куплю такую же, – невнятно пробормотал он, рассматривая меня.

Сначала хотелось разразиться благородным возмущением, но гнев куда-то улетучился, сменившись лёгким весельем. Поэтому я лишь покачал головой и приступил к небольшой нотации.

– Ты без году неделя, а уже ведёшь себя, как цыган на ярмарке. Здоровенный детина, а хуже ребёнка.

Никитин быстро глянул на Машу, ища поддержки, но та так и стояла, ехидно улыбаясь. Поняв, что помощи не будет, здоровяк постарался перевести тему в другое русло.

– А холодильник вы у какого попаданца переняли?

– Ни у какого. Он у нас уже лет двадцать как изобретён без всяких подсказок. Ладно, поехали, – сжалился я над своим новым подопечным.

После потери прежнего отряда я не хотел лютовать в новом. И, по всей видимости, придётся специально строгиться, дабы не распустились. Наберу весь отряд и начну их учить тому, что сам знаю. Учить их и учиться сам.

– Куда? – тут же оживился Сашка, сделав шаг вправо и поддев дверцу холодильника носком сапога.

– В городскую больницу. Там собеседование назначено с кандидатами...

* * *

Белая с чёрными пятнами корова печально протянула негромкое «м-м-му», глядя большим карим глазом на свою юную хозяйку. Девушка быстрым движением поправила серый платок и грязный передник, в котором ходила в стайку кормить многочисленную домашнюю живность и доить коров, и ласково провела ладонью по грубой шкуре. Тонкие пальцы с обломанными от работы ногтями и шершавыми мозолями на ладонях остановились у небольшой ранки, откуда

сочилась кровь, и на которую пытались присесть назойливые мухи.

Небольшая керосиновая лампа освещала упрятанным в закопчённое стекло тусклым язычком пламени проконопаченные мхом бревенчатые стены и потолок сарайки, большое, выдолбленное из цельного бревна корыто, куда наливали воду для скотины, большой ворох чистого сена и сгреблённую в угол кучу навоза. Под ногами сновали, кудахтая на разный лад, пёстрые куры, а к корыту пристроились два небольших поросёнка. Пахло дерьмом, соломой и парным молоком. От коровы тянуло добрым теплом.

– Ну, Зорька, хорошая ты моя. Опять ободралась? – произнесла девушка, отгоняя кровожадных мух. – Горемычная ты моя.

Юная хозяйка животных быстро посмотрела на щеголяющую щелями в досках дверь в сарайку, прислушиваясь к голосам во дворе, а потом сжала пальцами края раны и подалась вперёд так, что её губы остановились всего в пяди от кровоточащей шкуры. С губ слетел тихий шёпот древнего заговора, переданного ей по наследству бабкой, которую раньше все за глаза кликали ведьмой. Но бабка в ту зиму преставилась перед богом, а дар достался девушке, и она всячески скрывала это от остальных.

Ранка вспыхнула неярким рубиновым светом, а корова вздрогнула и дёрнула ногой.

– Тихо, тихо, моя хорошая, – снова заговорила хозяйка, –

пощиплет и пройдёт.

Корова повела ухом, прислушиваясь к человеческой речи, словно силясь ее понять, а девушка провела пальцем по зажившей ране, подхватила лампу и направилась к выходу, подмигнув засевшему в углу овиннику. Дух скотного двора несколько раз быстро моргнул большими, как у совёнка, глазами и наклонил голову. Он привык, что эта человеческая особа всегда наливала ему в крохотную грязную чеплашку немного молока. Привык, что только она может его видеть.

– Чё пялился? – беззлобно спросила девушка. – Нету ничего.

Дух приподнялся на цыпочках, став похожим на глазастого бурундука, а потом быстро-быстро убежал в щель между половыми досками. Девушка с усмешкой проводила существо взглядом, а проходя мимо куриного насеста, согнала с того курицу.

– О, яйко есть.

Она схватила рыжее яйцо и отворила обутой в лапти ногой дверь. Стоило ей ступить за порог, где её встретил добродушным взглядом большой лохматый пёс, как по двору разнёсся громкий женский голос.

– Настька!

– Чё?! – отозвалась девушка, легонько стукнув верхушкой яйца о край двери, а потом припав к скорлупе губами, выпивая содержимое.

– Подь сюды! Я чё, орать должна?!

– А ты и так орёшь! – ответила Настя, утерев ладонью рот.

– Подь сюды! – ещё громче заголосила женщина, хотя казалось, громче уже некуда.

– Иду!

Девушка быстро пересекла тщательно выметенное подворье, проскочив мимо большой поленницы дров, укрытой от дождя навесом, и ступила на нижнюю ступеньку широкого крыльца.

– Чё над-то? – спросила она, разглядывая невысокую полненькую женщину с круглым лицом и пухлыми губами.

Женщина держала в руках охапку дров, отражаясь в окне с большими и оттого дорогими прямоугольниками хорошего стекла. Окно на ночь закрывали толстые резные ставни на железных петлях. Жили они в достатке, торгуя на рынке молоком, творогом, домашним сыром, яйцами и живой птицей, и потому могли себе позволить мастеров по дереву и дорогую заграничную краску.

– Отцу плохо. Оденься по-людски и домчись до аптеки в центре. Возьми капли от сердца и пиявок от дурной крови, – произнесла женщина с тяжёлой одышкой, словно больная астмой.

– А чё, наловить их не судьба? Вон, речка за огородом. Там этих пиявок пруд пруди. Или целебные – белые и пушистые?

– Я те поглумлюсь! Отцу плохо, а она тут размышлять вздумала. Живо переоделась!

Настя вздохнула и пошла в терем, большой и богатый по мерилам окраины этого уездного города. К слову сказать, окраина от деревни почти ничем не отличалась. Все те же сельские дома, скотина, да и весь быт. Разве что магазины были недалеко.

Уже на пороге Настя обернулась к матери.

– Можно, я Гнедыша в таратайку запрягу?

– Делай чё хошь, тока быстро! – тут же отозвалась женщина, закипая от злости.

Она всегда была скоро на это дело, особенно когда отцу плохо. А ему всегда плохо при плохой погоде. Тогда он обматывал сырым полотенцем голову, ходил хмурый, да ворчал на всех.

– А можно, я твои новые сапоги возьму? – едва слышно задала новый вопрос девушка.

– Ты чё там бормочешь?

– Ничё! Пошла уже...

* * *

Машину тряхнуло на кочке, и я покрепче вцепился в руль, выточенный из дорогого дерева. Ехать было совсем немного, но я не спешил, погружившись в размышления.

Порывистый ветер гнал облака, разрывая серую пелену, в которой, как в проталинах, выглядывала небесная синева. Ветер дул, играючи шумя деревьями, как маленький маль-

чик, пытающийся сдуть упрямо держащиеся на одуванчике зонтики семян. Но только начавшие желтеть листья росли ещё крепко, и ветру придётся постараться их сорвать. Лишь отдельные воздушные лодочки, покинувшие причалы своих ветвей, падали на брусчатку. Им предстояла печальная судьба быть втоптаннми в грязные лужи, растёртыми каблуками толпы о камни, сожжёнными дворником в общей куче. Листья были подобны тем попаданцам, которые оторвались от древа своего мира и ушли в неизвестное. Сколько их гибнет на пепелищах лесных пожаров, в когтях диких зверей, от рук головорезов, тонет и умирает от истощения. Лишь единицам удаётся найти себя. Жаль только, что не все они готовы жить в мире и согласии.

Сзади Никитин читал специально найденную для него заметку из дневника одного из моих предшественников на ниве охотников на попаданцев, я и так знал сей текст наизусть, и потому губы безмолвно шевелились вслед чтению.

– Попаданцы. Первые из них пошли в наш мир тридцать лет назад. Тогда их считали безумцами, отправляли в сумасшедше дома, ссылку, каторгу. Но потом нам досталось в руки воистину большое сокровище – обломки устройства, названного впоследствии броневым шагоходом. Оно было сильно повреждено, но даже тех ошмётков хватило, дабы понять, что сие не из нашего мира. А ещё в нём имелся пилот, страдающий быстропрогрессирующей амнезией. Экстренной комиссией первых лиц во главе с августейшей осо-

бой было срочнейшим образом принято решение начать поиски таких гостей из других слоёв мироздания. К тому же выяснилось, что все пришлые быстро теряют память, оставив себе лишь крохи о прошлой жизни. По высочайшему указу создали подразделения, занимающиеся только поиском и поимкой попаданцев, как стали их называть. В каждом городе, каждом уезде и каждом отдельном воинском гарнизоне для поиска пришлых были сформированы специальные подразделения, оснащённые по последнему слову техники. В народе их сразу прозвали охотниками на попаданцев.

Иномировые знания позволяют ускорить в несколько раз темпы развития инженерных, точных и естественных наук, предоставляют возможность избежать политических и экономических ошибок, и при удачном стечении обстоятельств дают огромный потенциал для превосходства над другими странами. В ходе долгих и упорных поисков всем стало ясно, что на одного полезного попаданца случается больше сотни дикарей, детей и просто никчёмных обленившихся неучей, и посему всем чинам охотников искать приходится, не ослабляя рвения, и прикладывая все силы для ограждения пойманных пришлых от подозрительных личностей, и неукоснительно соблюдать указы и инструкции по поиску, ловле и допросу.

Дочитав текст, Сашка перевёл дух и тут начал задавать вопросы.

– Шеф, а чем ваш мир отличается от нашего?

– Я не знаю доподлинно, из какого ты мира, но думаю, это Терра-3. У нас есть карты вашего мира, доставшиеся из учебников для гимназистов. Ну, во-первых, у нас Австралия не материк, а архипелаг из пяти крупных островов, каждый из которых не меньше Британии по размеру. В Тихом океане вдоль океанического хребта есть тонкий и длинный остров Лемурия. Ныне это все британские колонии. Что касается политического устройства, то Российская империя простирается от Польско-Литовского княжества до Французской Канады. Ниже Канады господствует Великая Британия.

– Шеф, а чё, Аляска русская?

– Ах да, у вас же не так. Да, она принадлежит императору всероссийскому.

– А Штаты за независимость не боролись?

– Я читал из ваших учебников. Нет, у нас британцы перенесли политическую столицу в Новый Свет, обосновав Нью-Лондон. Южная Америка – испанские колонии. Африка кипит в первобытных междоусобных войнах. Китай и Индия такие же как у вас. Больше ничего особенного. Я глядел ваши карты Европы на начало двадцатого века. Там все почти так же.

Сашка замолчал, а потом снова заговорил.

– Это. Ваше высочество...

– Высокоблагородие, – с улыбкой поправил я заговорившего на заднем сидении Никитина.

– Да, ваше высоко, тут вам дневальный кучу спама напи-

хал.

– Чего напихал? – не понял я.

Даже хотелось обернуться и посмотреть на эту чудесную вещь.

– Ну, пачек всяких на мыло скинули, – ещё больше запутал меня Сашка, а потом начал перечислять. – Тут «Ведомости», «Вокруг света» и прочие газеты. О! Про сыщиков книжка, типа детектив Пинкертон. Ага, проды по главам обновляют. Вы по подписке или это так, реклама?

– Десять копеек на почте подписка стоит, – ответил я, вслушиваясь в непривычную речь.

– Ясно. А тут ещё конверты в личку скинули. Опечатанные и такие, – продолжил, шелестя бумагой, мой помощник.

– От кого? – совсем сбавив ход машины, спросил я и обернулся.

Там в самом деле лежала куча газет и писем. А я даже не заметил, как дневальный всё это мне положил. Сразу бросились в глаза конверты с сургучными печатями. Я через плечо указал пальцем.

– Вон тот, без марок не тронь. А вон тот, с тремя синими, открой и прочти вслух.

– Я не привык чужую почту читать, – немного протянув, ответил Сашка.

– Высочайшим повелением разрешаю, – с усмешкой ответил я.

Мне очень сильно понравилось то правило, которого па-

рень придерживался. Очень честное правило. Хорошее.

Стоило мне высказаться о разрешении, как парень сразу разорвал конверт и зашелестел листом гербовой бумаги.

– Дорогой Евгений Тимофеевич, с радостью сообщаю, что ваше прошение перед лицом Его Светлости одобрено. Ждите посылку послезавтра. Что за посылка?

– Увидишь, тебе понравится, – ответил я, улыбнувшись ещё шире, и добавив ход автомобилю. Ответ из губернского управления тайной канцелярии радовал меня как нельзя хорошо. – Что ещё?

– Да ничего нет. Только газеты.

– Почитай.

– Что?

– А что первое увидишь.

Никитин зашелестел снова. При этом раздался треск слипшейся по краям бумаги.

– Это оно само, – сразу затараторил парень. – Вирусняк, наверное.

– Читай.

– Пять сек. Вот. В Томске совершено покушение на главу полиции, ставшее шестым в череде убийств высокопоставленных чинов по разным городам империи. Незвестный подбежал к автомобилю и бросил бомбу. От взрыва погибло шесть человек, в том числе два прохожих. Семь человек ранено. Ведутся поиски. К уголовному сыску подключилась жандармерия. А что они хотят? – зачитав статью, спро-

сил парень.

– Кто?

– Ну, эти, террористы.

– Не знаю. Пусть жандармы разбираются. У нас и так дел по горло. Дальше.

– На границе с Австро-Венгрией участились случаи провокаций и расстрела пограничных дозоров Российской Империи. А также на приграничной территории участились случаи массового распространения листовок с призывами против императора. Ситуация накалена до предела, достаточно малейшей искры и будет война. Так. Понятно. Это запад. А восток что? Стычки патрулей Османской Империи с исламским санджаком Зор на границе османской провинции Алеппо, – Сашка что-то ещё долго бормотал под нос, а потом добавил. – Вот не помню толком ничего, но есть что-то очень знакомое, причём не древнее. Словно и не попадал никуда.

Я не ответил, так как перед нами оказалось большое жёлтое здание городской больницы, огороженное кованой решёткой. Фасад был свежевыкрашенным в бежевое, а сбоку виднелись облупившаяся штукатурка и оголившиеся красные кирпичи.

– Приехали, – произнёс я и выключил рубильник батареи.

Мы вышли из автомобиля, причём я забрал письма себе, а остальное распорядился спрятать под сидение. Никто газеты воровать не станет, но и выкладывать их на всеобщее обозрение не стоит. Не нужно наводить беспорядок.

На пороге нас встретил главврач, и мы прошли в его кабинет, миновав пахнущие хлоркой и мылом коридоры. У кабинета уже стояло четыре человека, ожидающих собеседования.

Главврач налил нам в стаканы очень сладкий чай с чабрецом и уселся в кресле, ожидая дальнейшего развития событий. Он был из числа доверенных лиц, и я не имел намерения просить его удалиться. Более того, подсказки опытного человека будут весьма полезны. Сашка сел на стул у самого окна. Он так и таскался с передатчиком, упорно называя его мобилой и сотиком.

– Ну-с, любезные, – проговорил врач, – предлагаю начать.

Я кивнул, закинул ногу на ногу и чинно выставил перед собой трость, уперев нижним концом в поцарапанный паркет и положив на её набалдашник обе ладони. Дверь распахнулась, и в неё вошла женщина лет тридцати пяти, одетая в белое платье с передником и повязкой красного креста.

– Разрешите, – тихо спросила она, едва заметно присев и сделав кивок головой, поглядывая исподлобья то на доктора, то на меня.

Главврач промолчал, но видимо, показал на меня жестом, раз барышня вскоре сосредоточилась на мне. В то же время за спиной чиркнуло спичкой, и по кабинету поплыл запах крепкого табака.

– Я вас слушаю.

– Я прочитала объявление, что требуется сестра.

– Вы читали, что там ещё написано? – спросил я, разглядывая женщину и начиная то разжимать ладони на набалдашнике трости, то сжимать их.

Дамочка мне не понравилась. Я старался доверять своей интуиции, и вот интуиция шептала, что она не подходит, но и отказать без благовидного предлога было неприлично.

– Я крови не боюсь, – тихо ответила женщина. – Вот давеча господину Жидкову сама кровопускание делала. Всё, как учили.

– Да уж, – негромко и тоскливо произнёс я, а потом повысил голос. – А вы знаете, что я не о страхе крови предупреждал? У меня на службе есть кое-что пострашнее. Вон у окна сидит цепной иноземец. Стоит только высказать в его сторону малейшее непочтение, как он голыми руками головы начнёт отрывать. И с такими приходится встречаться почти каждый день, рискуя жизнью.

Я небрежно повернулся к окну, заметив, как доктор с блестящими от азарта глазами с шумом втянул дым из трубки, а Сашка нахмурился и несколько раз моргнул. Однако, он тут же наклонил голову и как-то грузно встал. Ему бы в артисты пойти, цены б не было.

– Я помню, одного моба по квесту давил, – произнёс Никитин, старательно изображая иноземного пирата, – хэпэ много, а скилы ни к чёрту. Так он долго брыкался, пока я рубил его на куски двуручником. А потом продал его черепушку дикарям чёрных песков. А у него черепушка была по-

больше твоей.

Сашка подошёл ближе к барышне и поднял здоровенную ладонь, словно намеревался взять женщину за лицо.

– Пасть порву. Моргала выколю.

Пока девушка с испугом и недоразумением пялилась на здоровенного детину, я достал из кармана револьвер и быстро заменил один патрон на холостой, а после выстрелил в потолок.

– Фу! Место! – закричал я, дав себе зарок, что если девица не испугается, то возьму. Но нет, та взвизгнула и попятилась.

– Я только кусочек, – прорычал Сашка.

Барышня завизжала и выскочила из кабинета, даже не закрыв двери. Я тяжело вздохнул, а потом повернулся. Доктор сидел, согнувшись в три погибели, и тихо похрюкивал, сдерживая смех.

– Ну, вы и выдумщик, Евгений Тимофеевич, – выдавил, наконец, он, разогнувшись и смахнув слезу с глаза. – Но я вас понимаю. После того дикаря, что приволокли в мертвецкую с завода, долго ходил в размышлениях. Не подойдёт эта барышня вам, не подойдёт.

Я кивнул и громко позвал.

– Следующий!

В дверь осторожно вошёл хмурый мужчина в сером сюртуке, похожем на военный мундир. Да и держался он строго и по-военному.

– Где воевали? – спросил я его.

Этот кандидат казался мне более перспективным.

– На Кавказе, – негромко, но чётко ответил пришлый.

– Блин, тоже мне доктор Ватсон, – буркнул Сашка, уходя к окну.

– Хорошая книга, – согласился мужчина. – И герой мне импонирует. А этот джентльмен, видимо, мнит себя Шерлоком Холмсом.

Я привстал с гостевого кресла и открыл рот, чтоб ответить на такую дерзость. Уж кто мнит из себя лишнего, так это пришедший мужчина. Однако сказать что-либо я не успел. На улице грохотнуло. Да так, что в кабинете посыпались окна, а уши слегка заложило.

– Евгений Тимофеевич! – закричал доктор, – это уже слишком! Извольте объясниться!

Он застыл с очередной порцией ругани, услышав с улицы истошные вопли боли и крики: «Убили!»

– Это не я, – тихо выдавил из себя я, – за мной.

Как выбежали из здания, не помню. Слишком быстро промелькнули коридоры, двери и лестничные ступени. Лишь выскочив под открытое небо, я понял, что произошло. Посередине улицы дымился крытый полицейский автомобиль, а рядом были люди. Одни неподвижно лежали в той позе, в какой их застала смерть, а другие ползали, посечённые осколками. Эта чума докатилась и до нас. Впрочем, Томск находился близко, и террористы могли быстро организовать нападение, добравшись поездом.

– Нужна помощь раненым! Сашка, помоги доктору! – выкрикнул я, быстро оглядевшись и не обнаружив подозрительных личностей, и бросился к женщине, лежащей на спине и кашляющей кровью.

Я упал на колени рядом и разорвал платье, плевав на приличия. В бедре женщины виднелась узкая, но глубокая рана. Стоило мне прикоснуться к ней, как женщина начала упорно отбиваться.

– Больно, больно, больно.

Больница в двух шагах, но если не закрыть рану, то раненая умрёт, не попав в неё. Поэтому действовать нужно быстро. Срочно нужна давящая повязка. Я огляделся в поисках помощи. Никитин нёс какого-то пострадавшего на руках в здание, поэтому надежды на него не было. Зато у стены одного из домов напротив больницы стояла рыжеволосая и обильно украшенная веснушками девушка лет шестнадцати. Одета она была в тёмно-серое платье, красную рубаху, и чёрную накидку. На голове – цветастый деревенский платок, на ногах – новенькие, но испачканные грязью и кровью лакированные сапоги со шнуровкой. Она держала в руках какую-то корзинку, а вышла, видимо, из аптеки. В другое время я бы сказал, что кулёма кулёмой. Но то в другое время.

– Иди сюда! – закричал я ей, девушка быстро подбежала и присела, отложив корзинку в сторону. – Придави рану ладонями. Я повязку сделаю.

Рыжая с большими испуганными зелёными глазами, при-

кусив губу, приложила ладони и навалилась всем весом.

— Больно, господи, больно! — закричала женщина, попытавшись убрать чужие руки.

Я снял сюртук и дёрнул белую рубаху, заставив ту с треском разойтись по шву. Оторвав длинный клочок, которым можно было замотать ногу, я повернулся. Девушка закрыла глаза и что-то шептала, а из-под пальцев у неё сочился тусклый рубиновый свет, словно там горели крашенные химической солью угли. От такого зрелища я замер с повязкой в руках.

Ведьма? Наверное. Наука отрицает их существование, в отличие от провидцев, ну а вот я верю. Каков был шанс, что наткнусь на ведьму посреди города? Ничтожный.

Девушка разжала окровавленные ладони, и по коже раненой на землю отвратительной большой каплей пополз тёмный склизкий сгусток с чернеющим внутри него осколком. Я даже видел острый железный край. А на месте раны остался свежий шрам.

Девушка шатнулась, словно обессилевшая от тяжелейшего труда, а потом открыла глаза и сразу столкнулась взглядом с моим. Я не знал, что сказать, и лишь беззвучно шевельнул губами да притронулся левой рукой к своему забинтованному боку, где недавно был точно такой же осколок.

Шанс встретить настоящую целительницу с древней силой ничтожен, и его нельзя упускать...

Настя глядела на хмурого господина и проклинала свою бестолковость. Так глупо показаться на людях. Теперь в неё будут тыкать пальцем, кидать камни и винить во всех бедах. Ни один парень не захочет с ней водиться. Её, может, вообще запрут в морге и будут пытаться да изучать. Она же ведьма. Но ведь женщина умирала. Ей нельзя было не помочь.

Но поздно уже думать. Там за углом её ждал Гнедыш с таратайкой. Может, если не высовываться несколько недель из двора, то всё забудется, думала она.

Настя подскочила и бросилась бежать.

– Постой! Подожди! – раздался сильный голос за спиной, когда девушка заскочила в переулок.

Она быстро отвязала коня, и прыгнула в простейшую повозку, состоящую, казалось, лишь из двух колёс, деревянной скамьи и двух оглоблей, тянущихся к упряжи гнедого жеребца.

– Но! Пошёл! Гнедыш, быстрее домой!

Конь, испуганный взрывом и запахом крови, взглянул на юную хозяйку большим карим глазом и, заржав, сорвался с места. Мимо замелькали дома, а под деревянными колёсами, окованными железом, загромыхали булыжники. Повозку подкидывало на каждой кочке, норовя выбросить хозяйку с места, но она вцепилась пальцами одной руки в поручень,

а второй зажимала вожжи. Платок сбился, а рыжие волосы растрепались.

Дорога, мост через Каменку и многоэтажные дома, а позже и огороженные дворы деревянных изб промелькнули в едином порыве встречного ветра, перемешанного с брызгами грязи, поднимаемыми копытами несущегося коня. Они чуть не улетели в воду реки, сломав перила деревянного мостика.

Уже у дома Настя притормозила и соскочила на землю. Девушка даже не заметила кучи коровьего дерьма, в которую наступила, лишь открыла ворота, загнала упряжку и побежала. Но побежала не домой, а в сарайку. Там она села на охапку сена, закрыла лицо ладонями и зарыдала.

– Дура, дура, – шептала она, чувствуя, как по рукам бежали тяжёлые слёзы.

Плач рождался глубоко в груди и надсадно вырывался наружу, заставляя губы трястись, а слова сбиваться.

Прошло всего немного времени, и снаружи раздался громкий крик матери. Залаял, словно закашлялся, пёс.

– Настька! Где ты, окаянная?!

Дверь в сарайку скрипнула. В темноту вошла покрасневшая испуганная мать.

– Настя, что ты натворила? Там господин из тайной канцелярии тебя спрашивает.

Слова «тайная канцелярия» ударили по ушам, как нагайка по спине. Девушка подняла лицо и залепетала, давясь сле-

зами.

– Я не виновата. Оно само. Я ничего не сделала.

Настя вскочила, а слова сорвались в крик.

– Я ничего не сделала! Я не виновата! Я не хочу под нож!

Я не лягушка для опытов! Мама, я не хочу!

Дверь ещё раз скрипнула, и вошёл тот самый мужчина.

Он тихо затворил её за собой и стал рассматривать Настю, а у девушки подкосились ноги, и кровь отхлынула от лица, отчего она опустилась на грязный пол.

– Ну что же вы, – заговорил мужчина, – встаньте. Вам не подобает сидеть в грязи.

– Господин хороший, – заговорила вместо Насти мать, бегая глазами по лицу гостя и по его разорванной одежде, – я не знаю, чё натворила моя дочь, она же это... она не со зла. Ну, просто дурёха.

– Конечно, не со зла, – согласился господин, не сводя глаз с девушки, – я предлагаю пойти со мной.

– Я не хочу. Я не виновата ни в чём, – мелко-мелко затрясла головой девушка в испуге.

– Ах так?! – повысила голос мать на господина. – Старшего в рекруты забрали, а теперь и дочери лишить хотите?! Не выйдет! Убирайтесь прочь, господин, как вас там.

Мужчина нахмурился ещё сильнее, а через несколько мгновений просиял и чуть не засмеялся.

– Вы, верно, меня не так поняли. Я вас работать ко мне приглашаю. А со старшеньким вашим мы решим. Всё-таки

тайная канцелярия. Имеем возможности.

– Работать? – переспросила Настя.

Смысл слов дошёл до неё не сразу.

Глава 7

Полный комплект

Прошло четыре спокойных дня, ничем не выделяющихся на фоне той бойни и последующей беготни.

Сейчас же в моём кресле сидел, закинув ногу на ногу, откинувшись на спинку и разглядывая желтоватые листы с приклеенными к ним полосками текста телеграмм, барон Бодриков. На столе стояли две чашки кофе, обе полные и давно остывшие. К ним так и не прикоснулись, хотя принесли их ещё час назад.

Его превосходительство по своей привычке нечленораздельно бубнил, переворачивая листы, а я стоял у окна, сжимая клинок, доставшийся мне от погибшего дикаря. Странный был трофей, и сама ситуация странная. Я размышлял и глядел на небольшой задний двор усадьбы, сочетающий в себе и крохотный сад, и техническую территорию. Попавший при отливке плоской стекляшки пузырьёк, навсегда застывший в прозрачной преграде, слегка искажал вид двора, словно низкокачественная линза. Конечно, стоило немного сдвинуться, и эта мелочь не будет помехой обзору, но я специально смотрел на мир через него, в то время как в памяти всплывал момент боя с тем чернокожим попаданцем. Дикарь сперва боялся, но стоило ему увидеть меня, как он бросил-

ся в бой, а воздух вокруг него исказился точь-в-точь как от этого пузырька.

– Идемони, – чуть шевеля губами, прошептал я услышанные слова.

Что бы это значило? И ведь провидица тоже произнесла их. Но тут не исключено, что она выхватила их случайно из каши мироздания. Помнится, Илья Семёнович, провидец из группы захвата, где я имел честь служить раньше, когда изрядно напивался, тоже бубнил всякое. Порой такое, что все его стороной обходили. Но чаще было так, что с ним отказывались играть в карты, ведь он тыкал пальцем и все их называл не видя. А вот на скачках ни разу не угадал, что неизменно приводило его в бешенство.

– Идемони, – повторил я, улыбнувшись вспомнившейся окаянии.

– М? – не оборачиваясь, промычал барон.

– Да так, ничего, – скривился я, а потом задал вопрос в ответ. – А Светлана надолго уехала?

Барон оторвался от бумаг и поглядел на меня с нескрываемым неодобрением.

– Я отослал её в Москву, – хмуро произнёс Бодриков, – и не вздумай больше за ней ухаживать. Даже письма не смей. Ты женат, и этой связью порочил барышню. Ей нашли хорошую партию, и прошлое для неё теперь закрыто.

– Хорошую партию, – процедил я, стиснув в руке рукоять кинжала, – словно собаке. А я думал, наши свидания дольше

продлятся.

– Не в этот раз, – произнёс барон, со вздохом встав с кресла и подойдя ко мне. – И ты должен знать, что она была специально приставлена к тебе. Следить. Уж прости за такую подлость, не думал, что у вас так далеко зайдёт. Она же просто телеграфистка.

– Знаю, что следить приставлена, – буркнул я после небольшой заминки, – но всё равно мне было хорошо с ней.

Я не кривил душой. Нет, я не любил девушку, с которой встречался, но даже зная, что она засланная, мне было удобно и комфортно. И конечно, я знал, что рано или поздно она уедет. Но то, что уехала, даже не заскочив напоследок, оказалось неприятно. Последний раз я с ней встретился за день до той смертницы, что взорвала отряд.

– Раз знаешь, должен всё понять, – произнёс Бодриков, глянув мне через плечо, стараясь узнать, что так сильно привлекло моё внимание. – И то, что я должен был убедиться в тебе. И то, что ей с тобой не по пути. Не лишай девушку будущего.

Барон поднял со стола остывший кофе, одним глотком выпил из маленькой чашки и продолжил.

– Да, по целительнице и провидице я запрос отправил в полицию и жандармерию. Но думаю, там всё чисто. Разве что крестьянка могла яблоки с соседского огорода утащить, но это мелочи. И ещё, на должность приветливой дамы я сам собеседование провёл. Забавно, что у тебя одни девки подо-

брались.

– Даму? Без меня? – спросил я, пропустив мимо ушей про девок, почувствовав ещё один укол в спину. – С ними мне работать, а не вам.

– Время дорого, а так я сразу трёх зайцев убью. И дама что надо, – барон легонько улыбнулся чему-то, отмахнувшись от моих слов. – И бюджет сэкономлю.

– Это чем?

– Чтоб фотографа не вводить в штат.

Я вздохнул. Раз барон снял наблюдение, значит, можно уже не думать, достоин высочайшего доверия или нет.

За окном механик из компании «Пар и жар» ковырялся гаечным ключом во внутренностях громоздкого котла с теплородом. Устройство было величиной с паровоз и пряталось под шиферным навесом. Разогретая жаром концентрата теплорода вода вскипала, и пар крутил каскад турбин, давая электричество для освещения, заряда машины и работы приборов. К тому же пар грел воду для домашних нужд, отапливая всю усадьбу вместе с конюшней и гаражом. Из кранов текла горячая вода, отчего можно без оглядки на дрова и уголь принять ванную. Домашняя прислуга тоже этому несказанно радовалась, ибо мыть посуду и стирать в кипятке лучше, чем в ледяной кадке.

Котёл был уже не новый и требовал регулярного осмотра. За спиной мастера стоял часовой с винтовкой на плече, взявшись за антабку ремня. Он вытягивал шею и заглядывал в

открытую дверцу, порой указывая рукой и о чём-то спрашивая. Тогда мастер тыкал пальцем и пускался в долгие объяснения, заботливо хлопая по корпусу котла ладонью. Мастер чинил, часовой смотрел. Они не были врагами, но таков порядок вещей, нарушить который недозволительно.

Совсем как я с бароном.

Размышления прервал стук в дверь, и без разрешения в кабинет вошёл Сашка Никитин.

– Это, вашество, там две девчонки какие-то пришли. Одна вроде как пиар-акция блошиного рынка, вторая – школьница с выпускного.

– Александр! – резко повысил я голос, – Это не игра! Это реальность! И посему потрудись быть хоть немного серьёзным. Нас начальство посетило, будь любезен, сначала к господину барону за разрешением обратись.

Сашка оглядел с головы до ног застывшего с ехидной улыбкой Бодрикова, а потом сделал лёгкий кивок головой.

– Здравсьте. Ваше благородие, можно я пару слов с шефом перетру?

– Ваше превосходительство, – крикнув с усмешкой, поправил его барон.

– Я уже запутался, – тряхнул головой Никитин. – Мне бы гайд по рейтингам и титулам, или хотя бы шпору небольшую. Проще в какой-нибудь новой ролевухе с её квестами, класами и билдами разобраться, чем с этими благородиями.

– Я тебе её с утра дал. На листке.

– А-а-а, понятно. А можно ещё одну. Я ту в комнате на гвоздь прибил к стене.

– Евгений Тимофеевич, – произнёс барон, подхватив свою трость, – пойдёмте. Сгораю от нетерпения узреть ваших барышень.

Я поглядел на свой остывший кофе и пошёл вслед за невысоким бароном, дивясь, откуда в нём в его пятьдесят столько задору, как у молодого. Кабинет не закрыл, лишь на мгновение остановился, дабы подвинуть язычок устройства для опечатывания. Это значило, что меня нет.

Взгляд скользнул по ещё нескольким дверям, находившимся на этаже. Жилая комната, умывальник с санузлом и кладовая. Всё это было моим, так как жил я и работал практически тут же.

По лестнице я пробежал, весьма скоро оказавшись в зале, где барону уже поставили стул, и он восседал на нём, ожидая гостей.

Вскоре дверь открылась, и в помещение вошли две девушки. Они старались не глядеть друг на друга, словно всем видом показывая, что не вместе. И обе прятали красные словно от слёз глаза...

* * *

Настя сидела за столом.

– Вот куды ты вырядилась? – ворчала мать, доставая уха-

том из печи горшок со щами. Она поставила его на стол, накрывая тот скатертью только по праздникам или иным важным случаям. – Нет, ну куда вырядилась? Вот так тебя и ждут там. Этот господин только поматросит тебя да бросит, наигравшись. Знаю я этих господ. Вон, Люська Мышкина тоже в дом одним устроилась горничной. Сильничали! Насилу сбёгла.

Настя сидела на краю лавки, теребя край передника в пальцах. Ей было страшно уходить из дома, но и оставаться здесь тоже не хотелось. Всё решают без неё. И дразнят без конца, сколько ни огрызайся. Настька – рыжая-замухрыжая. Настька дурочка-дочурочка. Надоело это. А тот господин так непривычно, мол, сударыня, вам не пристало в грязи сидеть. Не то, что пацаны деревенские, которые только и могут, что за косу дернуть.

– Хватит, – негромко буркнул отец, потянувшись за куском свежего хлеба, – ты эту Люську уже пять лет вспоминаешь.

– А и чё? – снова загоношилась мать, доставая с полки глиняные глубокие чеплашки для похлёбки. – Даже если не сильничать, то всё одно. Куда ей в государеву службу? Она ж дура дурой. Ничего не умеет. Все насмехаться над ней будут. А на неё вон, Андрюшка Колодков поглядывает. Ещё годик, и замуж. Чем не пара. Умный, работающий.

– Андрюха тот ещё обормот, – ответил ей отец, – его розгами почаще надо.

Настя слушала это, вяло потянувшись за корочкой хлеба. Есть ей совершенно не хотелось, но и сидеть просто так не могла. В обычное время она бы ершилась и огрызалась, привычная к издёвкам, но не унывающая, знающая, что может прийти в стайку, сесть под боком у Гнедыша и долго ему рассказывать о том, что думает. И пусть конь не понимал ни слова, но и не осуждал, лишь требовал сладкую морковку.

И всё же ей было страшно. Вдруг этот господин из тайной канцелярии её для чего непотребного использует. Нет, не насильничает, как мать твердила, а посадит на цепь и будет, как карликов в цирке, всем показывать, мол, настоящая живая ведьма, за копейку можете пощупать.

– Что не ешь? – спросила мать, утерев передником раскрасневшиеся руки, и сев за стол.

– Не хочу, – буркнула Настя.

Глаза её против воли пробежались по побеленному потолку и таким же побеленным стенам из круглого бруса, по многочисленным полкам с поцарапанной утварью, по крашенному голубым подоконнику с большим горошком на нём, по кирпичной печи в полкухни с её копчёным заслоном, и отгороженным занавеской уголком с корытами, по потёртым сундукам с барахлом, по большому медному самовару. Самовар немного помутнел от времени, и мать всё время ворчала на девушку, что та никак его не начистит до блеска.

– Это что, вашему благородию уже и с простым народом есть зазорно? Вот угораздило же. Из пяти дочерей самая дур-

ная и выжила.

– Мама! – подскочила на месте Настя.

– Что мама?! – съехидничала мать, зло сверля дочку взглядом. – Это не я из отчего дома сбегаяю.

– Надоело! Нету сестёр! Нету! И я не хочу, как ты, всю жизнь торговать на базаре! И замуж не хочу за того, на кого пальцем вы с отцом укажете! Не хочу!

Настя бросилась к двери, чувствуя, как на глазах наворачиваются слёзы. Ей было страшно, но ещё страшнее сейчас вернуться. Они потом всю жизнь будут тыкать пальцем и говорить, что дочка никчёмная и дурная. Что мать всегда права. Лучше в омут с головой. Лучше на посмешище к господину из тайной канцелярии.

– Стой, дура! – закричал вслед отец, но пальцы девушки схватили рваное серое пальто, висевшее в сенях.

Она уцепила за шнурки новые мамкины сапожки и, не помня себя, помчалась на скотный двор.

– Стой, окаянная! – орала мать.

Настя не разбирала дороги из-за катящихся градом слёз, растирая их рукавом по лицу, ноги сами несли её. А там стоял Гнедыш, которого отец снарядил по-верховому, когда за реку ездил, и не успел с одного снять седло, опять ссылаясь на головную боль, хотя вернулся нетрезвым. Девушка бросила перед седлом поперёк холки коня пальто и связанные шнурками сапоги, а сама быстро открыла ворота и ловко вскочила в седло на мужской лад, продев босые ноги в стремяна.

– Стой, дура!

Девушка не слышала, лишь покрепче перехватила поводья и ударила в бок скакуну.

– Но, Гнедыш, но!

* * *

Выпускной банкет прошёл каким-то мало запоминающимся для Анны. Сначала строгая напутственная речь графини, потом пошёл черёд преподавателей. Учитель словесности долго и чувственно излагал свои чаяния о предстоящей жизни, окосевши от выпивки и бросая влюблённые взгляды на кураторшу группы. Та растеклась на стуле, как утка в гнезде, часто махая веером и глупо хихикая. Батюшка прочитал молитву. Дали слово одной из «перфеток» – отличниц.

На стол подали печёную курицу, которая была вкуснее того куска варёного мяса или рыбы, прозванной мертвечиной за отвратительный вкус, что ежедневно давали на обед. Картошин лежало в тарелке вдвое больше обыденного. Было по одному пирожному с суфле, а ещё бокал вина, пусть разбавленного до неприличия, зато настоящего. Конечно, у девушек из знатных семей и вино не разбавили и еды положили больше. Но это у богатых.

Анна сидела, пропуская мимо ушей речи, медленно разрезая курицу ножом и отправляя вилкой в рот. А перед гла-

зами стоял тот господин из тайной канцелярии. Он точно знал, что Аннушка не сумасшедшая. А ещё он видел. Видел то, что другим недоступно. Он мог дать ей знание, мог указать путь, как разобраться в себе.

Выпускной прошёл незаметно, и вот уже девушка сидела на краю кровати, теребя пальцами шёлковую ленту светло-зелёного цвета у себя на шее. Такой цвет выбрал её покровитель, как полагалось по традиции, когда влиятельные лица подбирали себе подопечных, как котят в питомнике, мол, меценат. Вот только своего покровителя она ни разу в жизни не видела, а лишь знала, что есть такой граф Марковский. И что каждый год на Рождество все его подшефные барышни получали одинаковые недорогие подарки.

– Аннушка! – весело прозвучал в комнате голос Лизы. – На! Матушка передала!

Подруга, покрасневшая от выпитого вина, поставила на стул перед Анной блюдечко с несколькими бутербродами, на которых была настоящая красная икра. После спартанского бытия прежних дней они казались истинным сокровищем.

– А у меня вот ещё что есть, – сделав кокетливый вид, произнесла Елизавета, держа в руках зелёную бутыль. – Шампанское!

Анна улыбнулась, встала и достала из буфета две чайные кружки.

– Не напьюсь?

– Что ты такая правильная? – картинно надулась Лиза, а

потом ухватилась зубами за пробку и начала крутить бутылку.

– Ругать же будут, – потянувшись за салфетками, произнесла Анна.

– Кто? Мы уже сами себе хозяйки. Уже целый час.

Лиза хлопнула пробкой и стала аккуратно разливать пузырящийся напиток в кружки. Анна придержала посуду, а когда пальцы нечаянно соприкоснулись, перед глазами промелькнула небольшая комната, освещённая огнём свечи, смятая постель и мужское лицо. Эхом разлился затухающий вдали голос Лизы: «Ещё, ещё!». Казалось, что это Анна сама касалась того парня, даже пальцы запомнили прикосновение, равно как и плечи, грудь и бёдра ощущали на себе чужие мужские руки.

Анна с силой зажмурилась и тряхнула головой, отгоняя видение. И всё же отголосок чужого мира заставил её нервно сглотнуть. Что это? Прошлое? Будущее? Наверное, всё же будущее.

– Что с тобой? – спросила подруга, сделав глоток шампанского. – Оно же некрепкое.

– Ничего, – быстро ответила девушка, бросив на Лизу завистливый взгляд, а потом опрокинула бокал разом и потянулась за бутербродом.

Красная икра сияла в свете торшера. Ярко-красная икра и тёмно-красные, почти чёрные в свете уличного фонаря, испачканные в крови пальцы, порванная картонная коробка, размазанный по мостовой торт, смешанный с челове-

ческой кровью, дёргающиеся в агонии тела и звонкий смех.

Анна взвизгнула, уронив бутерброд на пол, и выставила перед собой руки с растопыренными пальцами, словно они действительно были в крови. Но это были её пальцы, в видении! И её смех! Не чей-нибудь, а её!

– Аннушка!

Девушка не сразу поняла, что подруга испугано трясёт её за плечи. А внутри бешено колотилось сердце. Казалось, оно выскочит из груди и убежит подальше от этих видений. К горлу подкатил ком тошноты.

Нужно срочно к тому господину. Лишь бы до утра не сойти с ума...

* * *

Барон сидел на стуле, вытянув руки и уперев в паркет трость так, что та стояла вертикально. Он приподнял подбородок, важно разглядывая гостей. Не хватало пенсне, и получился бы знатный сноб. Впрочем, снобизма у него и так в достатке. Я же держал в руках папку с документами.

– Ну-с, позвольте полюбопытствовать, кто у нас здесь? – спросил Бодриков с видом кота, ожидающего сметану. – Давайте начнём с вас, моя дорогая.

Он указал ладонью на девушку в платье воспитанницы института благородных девиц и накидке с капюшоном без рукавов. Платье было небесно-голубым с белым воротничком и

такими же манжетами, а накидка – серой. Голубой цвет платья полагался выпускницам и воспитанницам старших курсов.

Я смотрел на институтку с лёгким ожиданием, словно сам находился на экзамене. Только оценивали моё чутьё руководителя в наборе работников.

Барышня сделала лёгкий книксен в знак приветствия и представилась. При этом мне показалось, что за нарочитым хладнокровием скрывалась настороженность затравленного зверька.

– Анна Дмитриевна Кукушкина, выпускница Новообского института благородных девиц. Получила приглашение как кандидатка на работу.

Я раскрыл папку и продолжил за неё.

– Соискательница на должность специалиста по сверхчувственному бытию. Чин, согласно табеля о рангах, двенадцатый – губернский секретарь. Соответствует войсковому званию поручик. Испытательный срок три месяца.

– Класс псионик, – тихо пробормотал Сашка.

Правда, это он так думал, что тихо. На деле его услышали все.

– Теперь вы, сударыня, – перевёл своё внимание барон на следующую персону.

– Я? – опешивши, спросила крестьянка.

Она даже обернулась назад, ища, с кем Бодриков разговаривает.

– Вы. Вы.

На лице начальника возникла улыбка.

– Ну, Настя я. Настя Иголкина. Я эта, работать. Меня позвали. Вот он позвал.

Девушка вытянула руку и показала в мою сторону пальцем, а я вздохнул. Придётся помучиться с ней. Благо не старуха, которую ничему не научишь, но все же пользы от неё должно быть больше.

– Анастасия Павловна Иголкина. Шестнадцать лет. Соискательница на должность фельдшера. Чин по табелю четырнадцатый – коллежский регистратор, самый начальный. Испытательный срок три месяца, – зачитал я, поймав презрительный взгляд Кукушкиной, обращённый к Насте.

Ой, тяжело с ними придётся.

– Класс хилер, – снова пробормотал Никитин непонятную фразу.

– Это чё, я благородие теперь? – шмыгнув носом, спросила девчушка.

– Если стараться будете, – с улыбкой кивнул я.

– Ну я, эта, буду. Вы только, барин, скажите, чё делать.

– Ага, – снова прозвучал совершенно нетихий шёпот Никитина, – я танковать буду. А тут ещё неведомый персонаж должен быть, фейсом торговать.

– Фейсом торговать? – раздался мягкий мелодичный голос со стороны лестницы, – фейсом – это от английского «лицом»? Забавное словосочетание. Если надо, буду и фейсом

торговать.

Я резко обернулся, сжав губы и уставившись в голубые глаза молодой женщины.

– Это ваше собеседование? – зло спросил я у барона, но тот хитро прищурился и не ответил.

– Вот это няшка, – восхищённо протянул Никитин.

– Что ты здесь делаешь? – сдержанно произнёс я.

– А что, я должна быть как вдова при живом муже? Да и врачи говорят, что я почти здорова, – ответила Ольга Ивановна Тернская.

Глава 8

Галопом по Европам

Я всю ночь просидел в своём кабинете, стискивая в пальцах лампу. Во-первых, сказывалась бессонница после небольшого приступа, посетившего меня вчера вечером, а во-вторых, появление Ольги совершенно не входило в мои планы. Понимаю, что Бодриков, сам потерявший в том году жену от пневмонии, приобрёл бзик на семейных ценностях, и имеет большое желание воссоздать мою семью, но тут особый случай. Не моя она жена. Не моя. Она супруга того прежнего Тернского, погибшего в Петергофской мясорубке, а я ныне совсем другой человек. Причем, и ни Евгений, и ни тот, из другого мира.

Хотелось бросить лампу в стену и бить первую попавшуюся под руку мебель любым из клинков, висящих на стене, и желательно тем, что потяжелее. Хотелось выбить окно и прыгнуть в сад, и там кричать на луну. И отнюдь не потому, что я ее ненавижу. Наоборот, я боялся ей навредить. Ведь после моего перевоплощения я чуть не избил супругу, лишь невероятным усилием воли сдержав того психопата, что стал частью меня.

И сейчас я проклинал барона с его неуместной инициативой. Прежнего Тернского до сих пор глодали стыд и же-

ление уйти, хорошо упрятанные под внешней холодностью и отчуждённостью. Впрочем, моё альтер эго лишь злорадно посмеивалось над безнадёжным романтиком Евгением. Хотя я уже не мог отличить, кто есть кто.

«*Nolite solliciti parva, ut suprae am.* Не думая о мелочах, будь выше этого», – всплыло любимое изречение Марка Люция, которым он жил и которое ставил во главу угла во всём.

Наверное, он прав. Я глянул на посветлевшее окно. Уже наступило утро и надо приступить к первому дню с полноценной командой, раскисать нельзя. Пальцы разжали стекло лампы и взяли со стола папку с документами, и я направился к двери, подняв руку и дотронувшись пальцами до висевшего над дверью герба, изображавшего наполовину оскалившегося льва с большой гривой, наполовину рыбу с длинным витым хвостом. Таким был в другом мире геральдический морской лев, и прикосновение к нему являлось одним из моих собственных ритуалов. Хотя я уже сам запутался, кем был больше, Тернским или тем, другим.

Часы показывали половину восьмого утра, и я очень тихо прошёл мимо своей комнаты, куда заселилась Ольга, и воспользовался умывальником. А после спустился в столовую, совмещавшую в себе ещё и роль зала для совещаний. Удобная вещь, знаете ли, завтракать и ставить задачи на день. Когда-то прежний хозяин усадьбы специально распланировал дом так, чтоб танцующие гости могли сразу пройти к столу, и сейчас этот момент очень пригодился.

Сонная повариха Маша поставила передо мной кофе, омлет с беконом и жареные гренки. Последние я особенно любил.

– Принеси еще кофе, – произнес, протирая ладонями лицо, – и отца позови.

Маша ловко убежала, чтоб принести весь кофе разом. Она имела обыкновение приходить перед полдником, а утренний кофе варила одна из горничных, та, что дежурила в ночь. Дело-то нехитрое. Но сегодня день особый.

Маша, скользнув заспанной тенью, поставила ароматно парящую турку, а следом в столовую, смежную с гостевым залом, заглянул Старый, который, как всегда, проспал всю ночь в обнимку с обрезом в дорогом кресле, поставив возле себя телефон и накрыв элемент мебели покрывалом.

– Стареешь, – сурово взглянув на дневального, произнёс я, – позже меня проснулся. Вернуть тебя на недельку в полк, чтоб ты там с остальными распорядку выучился.

– Да куда уж больше стареть, ваш высокородь? А то, что уснул, так не гневайтесь. Я полночи таскал мебель. Ванька тощий как весло, и если бы не Сашка, мы бы пуп надорвали. Он один шкаф по комнате вашей двигал. Ваша супруга с собой два воттакенных сундука с тряпками, то бишь с платьями и прочими вещами привезла. Из нижней гостевой шкаф притащили. Кровать сменили. Горничные все белье поменяли. А ещё у ней фотографическая студия в чемодане. Тоже бегали, готовили коморку. Весь хлам выкинули.

Старый развел руками, указывая размер скарба жены, но походило это на байки рыбака или охотника, ибо не бывает сундуков в рост человека. А про студию я помнил, только не думал, что все будет оккупировано так быстро. Старый чулан рядом с узлом связи был без окон и как раз годился для проявления и просушки фотографий.

– Еще раз проспишь меня, – для видимости сурово произнёс я, – кресло в кабинет прикажу унести.

Судя по замершему лицу Старого, это оказалось ударом под дых. Я довольно ухмыльнулся и отпил глоток крепкого напитка.

– Иди, труби подъем.

Дневальный сразу исчез, а по штаб-квартире разнёсся хрипловатый крик.

– Подъем! Все на завтрак! Подъем!

Пока он извещал о начале нового дня, Маша расставила подносы с манной кашей, чашки с чаем и столовые приборы. Я успел отъесть половину омлета, когда в столовую один за другим стали проходить мои подчинённые. Это был первый день, и мне крайне важно было увидеть их. Увидеть, как они входят, что делают.

Первой влетела Настя, таща в руке большую деревянную ложку, отчего я невольно улыбнулся. Ещё шире улыбнулся, когда девушка, увидев меня, чуть было не выскочила обратно, но потом опомнилась и встала у двери, разглядывая ярко освещённое газоразрядными лампами помещение. Она

неловко спрятала ложку за спину и потупила взгляд.

Следом в зал бледной тенью скользнула Анна, мазнув пренебрежительным взглядом по целительнице. Не знаю, как они уживутся, но чувствует моё сердце, придётся их примирять. Провидица сделала лёгкий реверанс и села на ближайший стул подальше от меня. В ней чувствовались вышколенность и дрессировка. В то же время ощущалась настороженная замкнутость.

– Я вспомнил! – заполнил зал радостный крик, и в помещение ворвался Никитин.

Он, радостно потирая ладони, плюхнулся на ближайшее свободное место и стал уплетать кашу, не дожидаясь приглашения.

– Что вспомнил-то? – спросил я его, положив вилку на салфетку.

– Я это, я срочку служил, – произнёс Сашка, а потом повернулся к двери и взглянул на целительницу, до сих пор скромно стоящую у входа, – это как называется у вас. Ну, помнишь, ты про братана говорила? Когда против воли забирают в армию.

– Рекруты.

– Да, именно. Больше ничего не помню, но вот что служил, помню.

Он изобразил руками, как прицеливается из ружья в дальний угол зала. Даже один глаз прищурил. Точно артист. Памяц. А осмелевшая с его появлением Настя бочком проныр-

нула мимо меня и села рядом с парнем, стараясь спрятаться за его большой фигурой от моего внимания.

Последней в зал вошла Ольга. Она остановилась в проходе, окинула всех взглядом, задержавшись на мне. На лице отобразилась лёгкая улыбка, в то время как глаза, наоборот, были напряжённые, словно готовые к выстрелу револьверы. Сами же эти глаза неуловимо меняли цвет в зависимости от освещения. Вот сейчас они кажутся голубыми, а при свечах и полумраке – зелёными. На улице, напротив, наполнятся серым. Сколько смотрел, никак не мог привыкнуть к этому.

– Садитесь, Ольга Ивановна, – произнёс я, решив придерживаться во что бы то ни стало официального рабочего тона.

Ольга, стерев с лица улыбку и поджав губы, прошла к свободному месту, оказавшись слева от меня. Я невольно сопровождал ее взглядом. Она была весьма недурна собой в свои тридцать лет. Тёмно-русые волосы сплетались в греческую причёску и подхватывались ободком. Ровная спина положительно подчёркивалась плавной женственной походкой. Лицо утончённое, правильное, с небольшим прямым носом и пухловатыми губами.

Моя-не-моя жена очень хорошо попадала под тип приветливой дамы, особенно когда улыбалась, а на щеках появлялись небольшие ямочки.

Я невольно задержал на ней взор, и это не осталось без внимания. Ольга едва заметно улыбнулась и стала неспешно завтракать, а я отвернулся и стал зачитывать вступительную

речь.

– Я уверен, что все вы друг с другом уже познакомились, а обо мне рассказали слуги, так что не буду останавливаться на этом. Но отныне вы члены подразделения Тайной Канцелярии. Можете называть себя охотниками на попаданцев. Озвучу расписание дня. В восемь завтрак, в девять начало служебных дел, к коим по первости будут относиться учебные занятия и тренировки. Будем учиться пользоваться приборами, заниматься стрельбой, ездить верхом и прочим. Кроме того, у каждого будут дополнительные занятия по специальности. В два пополудни обед. В восемь вечера ужин.

Я выразительно посмотрел на Сашку.

– Ты постоянно со мной. Для тебя главное – быстрее освоиться в нашем мире.

– А что в нем осваиваться? Это как глушняк на отшибе вселенной, а так городок неплохой.

– Глушняк? В смысле, глухомань? – уточнил я.

– А что? В моем мире на этом месте мегаполис стоит. Полтора ляма человек. Это я точно помню. А вот как он называется, не помню. Но точно не Новообск. Что-то Ново, но не обск.

Я задумчиво потёр подбородок. Петроград с Москвой по численности населения примерно такие, а у них уездный город на полтора миллиона душ. Сколько же человек в их столице? Не меньше двадцати миллионов, поди. Муравейник,

не иначе.

– Хорошо, – произнес я, а потом перевёл взгляд на Анну и достал из папки с документами старую потёртую тетрадь и колоду игральных карт. – От вас, Анна Дмитриевна, будет требоваться прочесть рабочие заметки одного из ваших предшественников. Он в вашем деле лучший, из тех, кого я знаю. У вас, должно быть, много вопросов, но я сам не провидец, не могу ответить на них.

– Но ведь вы видите, – осторожно спросила девушка, наклонив голову и исподлобья оглядев всех присутствующих.

Она это произнесла так, словно была заговорщицей, или говорила о чем-то крайне непристойном. Ещё бы, Илья Семёнович в прошлую бытность мою в столице, когда напибался, часто повторял, что чуть вены не вскрыл, когда дар стал проявляться в полную силу. Тут немудрено сойти с ума. Именно поэтому я говорил о даре как о само собой разумеющемся, дабы не прививать девушке состояние ущербности.

– Видеть и быть провидцем немного разные вещи. Это как уметь держать в руках пистолет, и другое дело попасть с него в монетку на триста шагов. Может быть, я неправильно выразился. Может быть так, что я имею пистолет и могу выстрелить, а вы обладаете винтовкой с оптическим прибором. Не знаю, но все провидцы стоят на учёте Тайной канцелярии. Кого выявили, разумеется. Могу посоветовать несколько упражнений, которые ваш коллега делал. Тасуете колоду и пытаетесь угадать, какую карту вытянете. Потом пытаетесь

ходить по помещениям и на улице с закрытыми глазами. Говорят, очень действенно. А ещё приглядывайтесь к людям. Просто попробуйте угадать их настрой. Для начала так.

Девушка сидела тихо, но я прямо отсюда слышал, как тяжело она дышит, и даже как дрожат ее пальцы. Она пытается принять своё проклятье, вспоминает свою жизнь и думает, что все безумие не более чем дар providения. Ничего, пусть привыкнется. В этом деле лучше не торопить.

– А что мне скажешь? – негромко спросила моя жена, гоня в блюдечке кусочек хлеба вилкой.

– От его светлости пришли рекомендации почитать некого доктора Фрейда. Говорят, восходящая звезда психиатрии. Не знаю.

– А, Зигмунд Фрейд! – воскликнул Никитин. – Не помню, кто он, но помню, что его у нас знают все.

Я ухмыльнулся и продолжил.

– Раз знают, тогда тем более нужно прочесть. А ещё займитесь одеждой. Советуют, что барышня в чем-то похожем на форму вызывает больше доверия, чем просто прохожая.

– Вульгарность, – буркнула Ольга, ткнув вилкой в несчастный кусок.

Ее, видимо, больше разозлило моё обращение на «вы», чем упоминание о форме. Пусть привыкнется. Я не могу переусилить себя, чтоб назвать на «ты», а тем более «дорогая» или «любимая».

– Что касается вас, моё юное дарование, – произнёс я,

немного наклонившись в сторону, чтоб лучше увидеть цельницу, – то вам надлежит после обеда убыть к доктору Преображенскому, главному врачу городской больницы.

– А чё он будет делать? – дрогнувшим и осипшим голосом спросила Настя.

Она словно боялась, что ее резать станут.

– Учиться вас определит на курсы сестёр милосердия. И ещё. Я должен убедиться, что вы та, за кого я вас принял.

Все уставились на меня, ожидая интригующих вопросов о прошлом и тайном. Но вместо этого я взял со стола нож. Обычный кухонный с тонким лезвием, каким рыбу филируют.

Я положил на столешницу левую ладонь и, уперев кончик лезвия, стал давить на рукоять. Потекла кровь, а нож вскоре стукнулся о дерево с другой стороны.

Ольга ахнула, а Настя громко завизжала.

– Вы чё?!

Она вскочила с места и подбежала ко мне, боясь подступить к ране, а я спокойно вытащил нож и положил в тарелку из-под бекона с омлетом. Боли я не чувствовал, а с моей живучестью рана затянется через пару дней. Тут главное было не порезать сухожилия.

– Вот отморозок, – проронил Сашка, глядя на происходящее с вытянутым лицом. – Даже не поморщился.

Я вытянул руку, с которой на паркет потёк тонкий и ленивый ручеёк багряного цвета.

– Лечи.

Настя сдавленно пискнула, подпрыгнула на месте и протянула руки к моей ладони. Но не смогла дотронуться и отдёргнула пальцы, сжав их в кулачки и тряся ими, словно обожглась об угли.

– Вот вы зачем? – снова произнесла-простонала она, а потом, почти плача, одним решительным рывком схватила мою ладонь и начала шептать какие-то заговоры.

И тут мне стало больно. Я давно не чувствовал настоящей боли, с тех пор как попал в этот мир. Не головной во время приступа, а обычной. И это нечто обожгло рану так, что я лишь стиснув зубы, заставил себя не вырваться из пальцев целительницы.

Пытка лечением продолжалась около минуты. Вскоре на месте раны остался свежий шрам. К вечеру и он рассосётся.

– Ваше! – раздался встревоженный крик дежурного пробойщика, закончившийся недоуменно, – высокоблагородие.

– Что?

– Пробой, – произнёс Иван, а потом поправился: – Два. Сразу.

– Два? Твою мать! Где?! – выдёргивая окровавленную ладонь у Насти, выругался я, а потом прорычал на латыни, – *Semper in excremento, sole profundum qui variant.*

«Постоянно в дерьме, только глубина меняется».

– Один у центрального рынка, а второй на набережной Каменки. Там, где она в Обь впадает, – ответил Бычков.

– Сколько времени у нас есть? – уточнил я, достав из кармана едва слышно тикающий хронометр с призрачно сияющими стрелками.

– Нарастание сигнала небольшое, Евгений Тимофеич, около часа будет до первого. Они почти одновременно начались, но тот, что у реки, неспешнее.

Я секунду обдумывал, а потом хлопнул крышкой на часах, убрал прибор в карман, встал и на ходу отдал распоряжения.

– Все в машину! Александр с радиостанцией на переднее сиденье. Барышни все вместе – на заднее. Иван, позвони в полицию, пусть наряд на всякий случай на рынок направит, а то кирасиров нам не дадут. Два пробоя одновременно. Это ж какая гадость редкостная.

Я не стал объяснять, что подождать машину лучше у караулки, а не лезть в сад. Как и то, что в такие моменты нужно взять оружие, медикаменты и многое другое. Не знают они пока этого, а вот первых таких попаданцев им лучше всего увидеть сразу, чтоб не питали иллюзий. Ближе я их все равно не пущу, сам буду работать.

Из помещения выскочили одним махом. Каждый по своим комнатам, дабы схватить верхнюю одежду. В гостевом зале Иван уже орал в трубку телефонного аппарата.

– Дежурный! Ало! Ало! Да чтоб твою мать эту связь!

Я не стал слушать гневную тираду тощего оператора. А пошёл быстрым шагом к двери под лестницей, ведущей прямо в задний двор. Горничная Даша с криками: «Евгений Ти-

мофеевич!» догнала меня и передала пальто, трость и шляпу.

Расселись быстро. Сашка держал на коленях громоздкий передатчик. Девушки немного потеснились на заднем сиденье. В середину посадили хрупкую Настю, которая замерла, как мышка, осознавая себя между двух «благородий» да ещё и в дорожном электромобиле.

Старый открыл воротину, и я собирался уже выехать, но нам навстречу вполз трактор с прицепом, груженным по самый верх большими ящиками. На ящиках сидели три солдата в шинелях с винтовками, изображая из себя бдительных дозорных.

– Вам приказали доставить! – выкрикнул один из них, видимо, старший, но я лишь махнул рукой.

– Потом! – и резко выжал педаль контроллера электромотора.

Автомобиль дёрнулся, бросив из-под колёс мелкую щебёнку, которой были засыпаны специальная дорожка и площадка перед гаражом.

– А что это они приволокли? – оживился Сашка.

– Ты ещё лезешь, – буркнул я.

Настроение, и так не задавшееся со вчерашнего вечера, испортилось окончательно новостью о двух пробоях. Но все же я ответил, быстро вращая при этом руль и ругаясь на прохожих, слишком медленно уступающих место нашему транспорту. – Кирасы и оружие привезли.

– Да?

Никитин повернулся на сидении, и я подумал даже, что свернёт себе шею.

– Успеешь наглядеться. Ещё ненавидеть начнёшь.

– Не думаю, – с улыбкой до ушей ответил мне здоровяк.

Электромотор гудел, как рассерженная пчела. Авто нещадно подкидывало на выбоинах и кочках, а из-под колёс вылетали брызги не до конца высохших луж. Все же дороги, даже городские, в России всегда были предметом нелюбви и насмешек.

Какая-то дурная шавка с истошным лаем, словно ее в кипяток собирались сунуть, едва не бросилась под колеса и долго бежала следом. Промелькнула даже мысль остановиться и пристрелить эту псину, грязную, как кусок половой тряпки. Все сидели напряжённые и хмурые.

Чем ближе подъезжали к центру города, тем оживлённее становилось на улицах. Среди двухэтажных деревянных и трёхэтажных кирпичных домов сновали мещане, спешащие на работу. Сам центральный рынок не отличался ничем от тысяч таких же, разбросанных по городам и сёлам громадной империи.

Я остановил авто в нескольких метрах от ближайшего ларька.

– Что дальше? – негромко спросила Ольга, явно выражая общую заинтересованность.

– Ждем, – ответил я, вслушиваясь в шум толпы, которая

гудела на сотни голосов, как пчелиный рой.

Часто над этим гулом взлетали выкрики зазывал и брань торговцев между собой. «Мясо! Свежее мясо!» «Куды прёшь?! Не видишь, телега полная?!» «Любка, а Любка, а ты со мной вечером пойдёшь?!»

Я сидел, водя большими пальцами по лакированному рулю, словно стараясь отполировать его ещё больше. Обычно в таком людном месте при появлении попаданца толпа либо замолкает в недоумении, либо наоборот, начинает шуметь ещё сильнее. Сейчас же все было тихо.

Я потянулся к радиостанции и, проверив, что цифры выставлены верно, снял трубку и нажал на клавишу вызова.

– Дай операторскую. Ало, Ваня, что с пробоем?

– Сейчас должен быть, – ответил парень, но я это и так понял по слышному в трубке тонкому писку.

Два свиста накладывались друг на друга режущим ухом диссонансом. Я положил трубку, а потом вышел из авто и достал револьвер, проверив щелкающий под пальцами барабан. Все гнезда заряжены. Не хотелось бы его использовать, но случаи с террористами и дикарём говорил об обратном.

А потом произошёл хлопок, сменившийся истошным мужским криком. Глаза сами собой выискали источник звука. А прямо над рынком падал человек. Он барахтался в воздухе, возникнув на высоте трёх сотен метров над землёй, и орал.

– Твою мать! – выкрикнул Сашка, а я молча бросился ту-

да.

Обречённый вопль вскоре оборвался с грохотом упавшего тела и треском чего-то деревянного, но в противовес ему истерично завизжала толпа. Добежал я до места за несколько секунд.

Попаданец лежал на грязной земле в неестественной позе изломанной игрушкой. При падении он задел прилавок молочника, и теперь из окровавленного и смятого бидона по утоптанному грунту текло молоко, смешивающееся с ручейками багряной жидкости. Упавший был совершенно обнажён и являлся мужчиной примерно сорока лет. Никаких особых примет я у него не увидел. Человек как человек.

Скорость падения оказалась такова, что та нога, которой он задел и сломал столешницу молочника, висела на лохмотях мяса, являя всем сломанную кость и рваные жилы.

– Да-а-а, короткое у него попаданство, – протянул вполголоса за моей спиной Никитин.

Я обернулся, увидев хмурого парня и трёх барышень моего отряда. Настя непрерывно крестилась, повторяя как заведённая: «Господи, Господи, Господи». Анна сперва зажала ладонями рот, а потом отвернулась и согнулась пополам. Ее вырвало.

А вот Ольга, хоть и бледная стала, как мел, подняла стиснутый в дрожащих пальцах фотоаппарат с большой лампой вспышки, и щёлкнув диафрагмой объектива, стала крутить трещотку фотоплёнки, перематывая ту на чистое место для

нового кадра.

Я ещё раз оглядел окружившую тело толпу.

– Следуйте за мной.

– Куда? – тут же уточнил Никитин, бросая хмурый взгляд на тело.

Он, видно, представлял, что сам мог быть таким распластанным на дороге, как жаба, попавшая под колеса.

– У нас ещё один пробой будет. Нужно успеть, – ответил я, убрав револьвер и достав на секунду хронометр.

– А этот?

– Этот уже никуда не сбежит. После, в мертвецкой пообщаюсь с ним.

Сашка ухватил Настю, а я взял под руку шатающуюся Анну и повёл к авто. Пришлось протиснуться через кольцо толпы.

– И так постоянно у тебя на службе? – догнав меня, спросила Ольга.

Она одной рукой придерживала фотоаппарат, а второй подол тёмно-синего платья с кружевными рукавами и воротом. Платье мешало ей быстро бежать, но она очень старалась.

– Нет, – произнёс я, – в Москве и в Петрограде падающие с высоты через одного бывают, словно там земля выше нашей, а тут такое редкость. Я так вообще одного видел, что прямо в заборе оказался. Лежит человек, корчится, а сквозь тело кованая решётка проходит. Думал сперва, что проткнули его, а нет, снизу забор вкопан в землю, а сверху завитки и

поперечины мешают. Просто он с забором совместился как-то. Но то совсем редкость дикая. Не передумали ещё с нами быть?

Ольга не ответила, и даже не сбавила шаг, услышав обращение на «вы». А я надеялся, что этот случай отведит ее от меня.

Мы быстро сели в машину и снова помчались. Благо дорога проходила совсем близко к нужному месту. Правда, пришлось потом продираться через плотные заросли клёна и ивы, чтоб оказаться у самой реки, но и ждать пришлось недолго.

Попаданец преподнёс нам очередной сюрприз. Нет, никто ниоткуда не свалился, просто хлопок пробоя почти сразу сменился плачем ребёнка-грудничка.

Глава 9

Бронеледи и этикет

Как бы то ни было, ребёнку я был рад. После того несчастного на рынке мои барышни могли впасть в такое уныние, что привести их в чувство стало бы немыслимо тяжёлой задачей. Но маленький крепыш с серыми глазами, заливавшийся от голода криком и весь красный от натуги, стал спасательным кругом. Темноволосый мальчик, укутанный в серо-бурую звериную шкуру, при себе имел только дикарский амулет на шее да охотничий нож, спрятанный в складках шкуры вместе с кожаными ножнами грубой работы.

Вопреки ожиданиям опеку над малышом взял Никитин, отпихнув девушек в сторону. Через плечо ему постоянно лезла с советами Настя, тогда как Анна лишь испуганно пялилась на дитё. Девушка, всю жизнь проведшая в стенах института благородных девиц, не имела никакого представления о том, что делать с младенцем.

Ольга, молча поджав губы, глядела на мальчика. Не имея своих детей, она очень этим тяготилась, и в ее взгляде читались тоска и зависть.

— Да как ты его пеленаешь? — бурчала Настя. — Туже надо.
— Не надо, — ответил ей Сашка. — Шкура толстая и грубая, натереть может.

– Надо. И покормить его надо.

– Слышь. Отцепись. Я двух племянниц и дочку нянчил. Я и так знаю, что кормить надо.

Сашка легко приподнял мальчика, придирчиво покрутив в целях осмотра шкуры в руках.

– Не сломай его, – выдавила из себя Анна, охнув от такого обращения мальцом.

– Ещё одна, – буркнул Никитин. – Если бы дети были как фарфоровые куклы, человеческий род давно вымер бы. Этот пацан попрочнее тебя будет.

– Хватит, – произнёс я, устав наблюдать за картиной о няньках. – Мне нужно донесение написать по двум случаям за сегодня. И посылку разобрать.

Никто возражать не стал, и мы дошли до авто, где расселись по своим местам. Никитин с младенцем рядом со мной впереди, барышни сзади.

– Куда его теперь? – тихо спросила Ольга, когда машина почти бесшумно начала двигаться по разбитой дороге.

Она тоскливо глядела то на дитя, то на меня.

– В приют. Мы не можем его у себя оставить, – ответил я. – Но обещаю, за ним там хорошо приглядят.

– А имя у него есть?

Я пожал плечами. Имя-то у него было, но мы его никогда не узнаем. Впрочем, какая разница.

– А давайте назовём его Конан, – громко произнёс Никитин, обернувшись к девушкам, ютившимся на заднем сиде-

нии.

Те даже немного растерялись.

– Как Артур Конан Дойль и его «Затерянный мир»? – спросил я, несколько раз нажав на клаксон, когда какие-то старушки даже не изволили обернуться при появлении авто, не то, чтоб с дороги уйти.

Старушки закудаhtали и начали, бурча свои проклятия, ковылять к покосившемуся заботу старого дома.

– Почему Дойль? – удивился Сашка. – Конан-варвар. Вон какой здоровяк, и меч есть. То есть нож.

– Какой варвар? – опешил я в свою очередь.

Никитин смотрел на меня с открытым ртом, наверное, с минуту, прежде чем продолжить.

– Ну, герой такой есть. Его ещё этот играет, блин, здоровый такой. Блин, не помню фамилии. Или у вас его нет?

Я вздохнул, но не ответил. Попаданцы часто всякие несуразицы несут. Никитин среди этой братии просто верх адекватности и благообразия.

Авто ехало долго, я старался не гнать его без нужды, да ещё с младенцем в качестве пассажира. Я ехал, а сам думал. Два попаданца сразу – весьма редкое событие. Редкое даже для столицы, притом, что там порой бывали весьма разные случаи. И вдвойне страннее, что пробои случаются только в черте города. В Петрограде, помнится, специальные конные разъезды были для ловли тех, кто далеко от людей возникал. Там-то провидцы особо и пригождались. Попробуй, найди

без них иголку в стоге сена. То леса, то болота.

К приюту приехали через полчаса. Была в пути возможность позвонить, а раз есть возможность, грех не воспользоваться, я выкрутил на панели рукоятки, выставив номер коммутатора, а потом долго орал в трубку: «Ало, барышня! Мне детский приют. Начальника. Да! Да!»

С приютом я раньше не работал, но смог докричаться, чтоб господин начальник не убежал раньше нашего приезда. Помогли волшебная фраза – Тайная канцелярия, и сотрясение воздуха от имени барона Бодрикова, которого как раз знали все казённые учреждения.

Начальник, пожилой мужчина в стареньком, стиранном на сто раз сюртуке встретил нас холодно. Он постоянно ссылался на то, что мест нет, и лишь обещания, что окажем приюту посильную материальную помощь, возымели эффект. Благо что с тем, куда определять младенца, вопросов не было. Записали его как солдатского сироту. Мол, отец пал во время провокации врага. Имя так и оставили двойное, Артур Конан. С фамилией тоже вопросов не возникло. Я просто вспомнил одного из погибших при взрыве кирасиров.

До усадьбы доехали молча. Так же молча пополднивали бутербродами с сыром.

Лишь однажды Ольга Ивановна изволила нарушить безмолвие, спросив у Никитина один-единственный вопрос, от которого тот сник и стал совершенно хмурым с лица.

– Развёлся-то из-за чего? С детьми ведь ладишь.

– Да, из-за хрени, – уклончиво ответил парень, уставившись на некоторое время в пустоту.

Было видно, что это тяготило Сашку. Так, в общем, и доехали. Шум начался потом, когда я распорядился всем прибыть в гостевой зал, где половину места загораживали громадные ящики с клеймом армии Российской Империи. Моя группа по женскому обыкновению собралась далеко не сразу. Они сначала, к моему глубочайшему недовольству, долго переодевались в домашние платья, пудрили носики и занимались прочей, неведомой для мужчин ерундой, которую мы склонны считать верхом несуразицы. Даже деревенская девочка долго ковырялась в своём сундуке, что-то проверяя.

– Александр! – позвал я своего гренадёра-связиста.

Тот сидел в кресле, обычно служившем сонным тронem Старому, и листал какую-то газету. По моему зову он оторвался от своего занятия и ловко вскочил.

– Поднимись в мой кабинет и принеси оптифон. Он стоит на журнальном столике. Только не сломай. Дорогая вещь. Из Германии выписал.

Никитин потянулся, хрустнув суставами, и лёгким бегом умчался по лестнице. А я подошёл к ящикам и начал срывать пломбы.

Вскоре на лестнице снова загромыhalo, и мой помощник притащил большую лакированную коробку с позолоченными защёлками.

– Куда?

– На стол дневального, – указал я рукой, а потом добавил, – открывай. Думаю, сообразишь, что к чему.

Сашка осторожно поставил оптифон. Было слышно, как он сначала клацнул защёлками, а потом восхищённо выругался.

– Это что, пластинки проигрывать? Охренеть! Он ламповый! Охренеть! Это не пластинки, это лазерный диск! Стекланный!

– Ага, – не поворачиваясь, ответил я. – Немцам повезло получить оптическое устройство записи. Оно сильно оплавлено было. Я представляю, как они намучились с логическими лампами, но результат того стоит.

– А что за музыка?

– Там написано.

– Я не читаю по-немецки, – не унимался Никитин.

– Вагнер. Что же ещё немцы могли записать из музыки?

Щелкнули кнопки, и зал наполнила медленная красивая музыка. «Тристан и Изольда». Как мотыльки на свет, на мелодию известного композитора вышли наши девушки. Как раз в этот момент я открыл первый ящик и злорадно улыбнулся, доставая оттуда светло-серую одежду, похожую на толстое мужское нательное. Простёганные льняные рубахи и такие же подштанники. В комплект входили ещё носки и небольшая шапочка с завязками. Все прошито прямоугольным шитьём, как ватный матрас.

– Поспешили вы, барышни. Сейчас вам опять переоде-

ваться придётся.

– В мужское? – брезгливо спросила Ольга, пришедшая в зал последней. – У меня уже есть белье под платьем. Зачем ещё одно. В доме тепло.

– Не-е-е, – протянул я, повернувшись и кинув Никитину один комплект.

Тот поймал его налету, и пощупав ткань с видом знатока, потрогал толстые ватные подкладки на плечах. Было видно, как у него загорелись глаза, и сразу после этого парень бросился наверх, в свою комнату.

– Барышни, это не под платья. Вы сейчас переодеваетесь и выходите в этом без платьев, – продолжил я.

– Оно же мужское. Да ещё и исподнее, – покраснев, высказалась Анна.

– А чё, – пробормотала Настя, – когда за дровами зимой ходила, братовы подштанники надевала. А то весь срам отморозить можно.

– Барышни, – зловеще произнёс я, достав из потаённой кобуры, спрятанной под сюртуком, револьвер. – Через два часа я буду в вас стрелять. По-настоящему.

– Зачем? – спросила Ольга, пристально глядя на оружие в моей руке.

– Развестись хочу, – буркнул я. – Слишком много вопросов. Идите, переодевайтесь!

Барышни только начали подниматься по лестнице, а вниз уже мчался Никитин. И если бы не мой своевременный

нахмуренный взгляд, съехал бы по перилам, как подросток-гимназист.

– Я готов!

– Вижу. Другие не готовы.

Пришлось ждать ещё четверть часа, пока не появились девушки. Они стыдливо жались, прикрываясь руками, хотя стёганка закрывала все тело от головы до ног.

– Значит, так, – начал я первое в их жизни специальное военное занятие, убрав револьвер и вытащив из ближайшего ящика деталь. – Это механическая кираса. Она работает по принципу усиления движений членов человеческого тела. В ранце расположены силовые электрические катушки. Они приводят в движение тросики, а те, в свою очередь, крепятся к суставам. Само движение ощущается логическими лампами с помощью миниатюрных пружинно-электрических датчиков. Вся эта конструкция призвана сделать солдата сильнее, чтоб он мог нести больше брони, оружия и припасов к нему.

– Долго в неё одеваться? – спросила насупленная Ольга, сложив руки на груди.

– Долгие только первая сборка и подгонка. Потом достаточно пятнадцати минут.

– Шеф, – задал свой вопрос Никитин, – а нужду как справлять? Вон, водолазы тоже в свои скафандры по полчаса экипируются. А в бою помощников может не найтись.

– Это не водолазный костюм. Он не герметичен. Силовой

каркас идёт по внешнему краю тела, броня просто навешана сверху. Так что, для нужды требуется только отщёлкнуть броневые сегменты спереди или сзади. Они висят на манер подола рубахи или короткой юбки. А там отстёгиваешь специальные пуговицы и справляешь нужду.

– Блин, – пробубнил Никитин, – перчатки так просто не снимешь. Так и хозяйство можно оторвать этим... как его... вспомнил – экзоскелетом.

– А в этом и заключается, дорогой мой Александр, мастерство кирасира. Солдаты именно так и проводят ритуал прописки в кирасиры. Пьют хмельное, а потом нетрезвые отливают на угол казармы. Так сказать, твёрдость руки проверяют. Чтоб не дрогнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.